

Василий
Гурковский

КОРЫСТЬ
НЕ ВЫХОДИТ ЗАМУЖ,
корысть – жени́т
на себе

В этом романе Василий Гурковский в своей традиционной манере как бы перелистывает огромный альбом жизненных фотографий и ненавязчиво предлагает читателю посмотреть их. Главное для него — действия героев. Да, он иногда комментирует эти действия, как опытный мастер-фотограф, ретуширует отдельные из них, но никогда не доводит их до идеального блеска, а выдает в натуральном виде. Его герои живут среди Добра и Зла, Обмана и Корысти, но они так живут, живут среди нас, и будут жить дальше, поэтому он предлагает читателю, с учетом прочитанного материала, — делать свои выводы и самому выбирать линию поведения в лабиринте человеческой жизни. И, наверное, это правильно.

- [Василий Гурковский](#)
 -
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)

Продолжение см. в интернет-магазине "Andronum", "ЛитРес" и др.

Василий Гурковский

Корысть не выходит замуж, корысть — женит на себе

Роман

*Корысть — болезнь. Одна из неизлечимых болезней человечества.
Будут найдены лекарства от разных, самых страшных, болезней,
но от этой болезни, лекарства не будет. Никогда.*

Василий Гурковский

Командира части не было. Василий зашел к начальнику штаба. Представился, и протянул ему пакет из штаба Московского военного округа. Майор посмотрел на обратный адрес, удивленно вскинул брови, машинально проверил целостность сургучной печати на обороте большого конверта. Вскрыл его и весело рассмеялся: «Ничего себе! Я уж думал в нем план новой ракетной базы, а оно вот что!».

В пакете были личные дела на пятерых военнослужащих, направленных из Москвы в Полтаву, для дальнейшего прохождения службы, именно в данной войсковой части.

Начальник штаба недоуменно перебирал личные дела, на чем-то останавливался, а потом спросил: «Слушай, сержант Брусенский, где ты собирал эту команду, и почему именно к нам её привез, в такую даль? Там что, места для этих недоучившихся, не было? И почему через Округ? С каких это пор начали посылать такой контингент из Округа в Округ? Ну, с тобой все понятно. Командир лучшей учебной смены спецшколы прошедшего учебного года. Единственный из всех бывших курсантов-первогодков, а это весь состав школы, — получил звание «сержант». Непонятно — почему ты здесь, а не в Москве или в другом месте. Что-то натворил, может быть?. И почему вдруг, тебе, поручили доставить к нам эту «команду», да еще, — управление кадров Московского Военного округа?. И, вообще, что это за люди, откуда, кто им присвоил звания, даже не внеся изменения в личные дела, где написано, что они прошли годичный курс обучения в специальной школе по подготовке командиров взводов для инженерных войск, но не смогли сдать государственные экзамены?. Ты мне можешь толком объяснить, чтобы мы могли принимать какие-то решения?. Да, нам нужны сегодня командиры взводов, мы посылали в Киев, в наш Округ, заявку на пять человек, пару месяцев назад, но, чтобы нам прислали их из Москвы, да еще таких, что это — насмешка какая-то?»

Василий выслушал вопросы начальника штаба спокойно. Он понимал, что им придется еще вместе служить и, возможно, не один год, поэтому надо сразу поставить все на свои места. Но, в то же время, нельзя попадать между жерновами работающей военной машины. Кто знает, что это за майор, на кого и как он может выйти, и какие могут быть последствия. Он не боялся за себя, просто не хотел втягивать в ненужные разборки других лиц. За последние полтора месяца, он уже столько пере видел, переделал, пере слушал, что мечтал лишь о том, чтобы все это неопределенное, несуразное, непонятное и непонятливое, наконец-то закончилось. Ну не могло оно продолжаться так, как было. Вроде бы в нормальное, мирное время, советская армия, и одновременно — какой-то кошмарный сон....

Он рассказал майору все, как оно было, и почему так случилось именно с ним. Может быть, если бы был кто-то другой на его, Василия, месте, или вообще бы никого не было, — то все могло быть по-другому и не было бы нынешнего «сержантского» десанта из Москвы и вообще ничего не было.

В начале — все было отлично. 13-я учебная смена, которой командовал Василий Брусенский, по итогам учебного года, а так, как школа была годичная, то значит — по итогам общего курса, была признана лучшей. Курсанты этой смены, потом получили звания младших

сержантов и были распределены командирами взводов в престижные строительные части.

Василия вызвал к себе начальник школы, капитан первого ранга, поблагодарил за службу, вручил погоны сержанта и спросил, не хочет ли он перейти, тоже командиром учебной смены, в другую спецшколу, в городе Бабушкин, это на северо-восток от Москвы. Дело в том, что нашу школу, сказал начальник, — расформируют. До сих пор таких школ было две — одна наша, в Бирюлево, где готовились командиры взводов инженерных войск системы Военно-Морского флота, другая, в Бабушкине — тоже похожая по статусу школа, готовила взводных командиров для сухопутных войск. Теперь она останется одна.

Василий вежливо поблагодарил начальника школы и сказал, что хотел бы поехать по распределению поближе к семье, так как дома у него были жена и маленькая дочка, если, конечно, туда будут заявки. Начальник согласился, но сказал, что передаст начальнику штаба, чтобы тот имел в виду, — Василий сможет поехать служить туда, куда захочет из того, что будет предложено, то есть — на его выбор. Семья его находилась тогда в Казахстане, но Василий имел намерение перевезти её к себе на родину, в Молдавию, поэтому надеялся на заявку от Черноморского Флота. Поэтому отказался и от места командира смены в Бабушкине, и еще от многих предложений из инженерных частей в Москве и Подмосковье. Когда заявочная кампания прошла, выяснилось, что основная масса выпускников школы была направлена на Тихоокеанский и Северный Флоты. Некоторая часть была распределена по Московскому Военному округу.

Василий ждал до конца. Уже приехали «покупатели» из Флотов и Округов, увезли всех выпускников. Оставшимся штатным работникам, был объявлен приказ о ликвидации школы. В течение буквально недели, разошлись по другим местам службы, практически все командиры разных уровней, оставшиеся не у дел и наемные работники. Ушло все руководство школы, увезли школьное Знамя, красное, с нашитым сверху флотским флагом. В штабе работала ликвидационная комиссия. Из офицеров остались — начальник штаба и заместитель начальника школы по материально-техническому обеспечению. Из всего комсостава, кроме них, на территории находился только сержант Брусенский и еще шестеро солдат. Пятеро из них — бывшие курсанты, не сдавшие государственные экзамены, и, естественно, не получившие сержантских званий и один еще писарь из секретной части при штабе, его оставили для работы в составе ликвидационной комиссии. Как-то раз, начальник штаба, направляясь в сторону складов, увидел Василия возле казармы, очень удивился, он думал, что тот где-то уже пристроен, поговорил с ним, а потом спросил — а кто-то еще есть в наличии из военнослужащих, кроме него. Василий ответил, что есть, всего семь человек, включая писаря из штаба. Начальник спросил, а чем они занимаются, Василий ответил, что работают у майора Басилашвили, зама по снабжению. Он их просит помочь и они ему помогают. Начальник штаба собрал всех бывших курсантов в ленинской комнате, позвал майора Басилашвили и в устной форме объявил приказ — группа бывших курсантов под командованием сержанта Брусенского — оказывает помощь отделу снабжения по вывозу с территории школы всего того, что укажет майор Басилашвили. И так — до последней вещи, подлежащей отгрузке. До последней, — подчеркнул подполковник, начальник штаба. А потом, мол, он и с ними всеми разберется.

С этого момента и начался кошмар, продолжавшийся почти месяц. Начальник штаба через два дня тоже исчез и больше не появился, никогда. Закончила работу ликвидационная комиссия, пришли приказы-распределения — кому, что и сколько передать.... Чаше всего приезжали ночью и большие машины. Койки, постели, тумбочки, и еще десятки наименований вещей, инвентаря, обмундирования, обуви, продовольствия, грузить было тяжело, но проще. Но, оказалось, на складах школы было припасено масса оружия, на всякий случай. У курсантов основное личное оружие было в виде кавалерийских карабинов, образца 1943 года, а на складах были

законсервированы автоматы Калашникова, различные пулеметы, пистолеты, гранаты, патроны, и в больших количествах. Все это надо было отправлять в военные арсеналы, в Ярославль и другие города, а это — строго все учетное и т. д.

Школы уже не было, а на станцию Бирюлево — товарная, для неё же, постоянно приходили грузы — то уголь, то дрова, то какие-то доски, даже песок и щебень....

Писарь штаба, после уезда ликвидационной комиссии, тоже перешел в команду Василия. Семь человек людей. Двое — дежурят посменно на КПП (контрольно-пропускном пункте), двое — на охране территории, тоже посменно, один — готовит еду, носит воду из водонапорной башни и топит печку-буржуйку. Спят все в углу казармы, на полу, на старых матрацах, не раздеваясь. Казарма пустая, на противоположной «нежилой» стороне — склад продовольствия — «запаслись» пока грузили машины — пара мешков сахара, пару ящиков сливочного масла, консервы разные, мятая алюминиевая посуда с кухни. Хлеб покупали в магазине. На дворе — декабрь 1960 года. Холодно. Когда майор Басилашвили слезно умолял выстрелять несколько тысяч винтовочных патронов, потому, что они проходили как списанные и нужны были пустые гильзы, а на самом деле были в коробках и в масле, Василий посылал ребят, в порядке наказания, стрелять из двух карабинов, просто, чтобы патроны выстрелять. Это была настоящая пытка. Потом уговорили майора расконсервировать один станковый пулемет — за один день решили эту проблему, а за это он наградил всех семерых, диагональным офицерским полевым обмундированием и хромовыми сапогами. А несколько тысяч малокалиберных патронов — просто взорвали в мусорной яме, их тоже нельзя было показывать — тоже были давно списаны.

Потом и это закончилось. Когда все, что было распределено — было отгружено, что было излишнее и уворованное — тоже исчезло, тогда исчез и майор Басилашвили. Осталась пустая школа и — семь просто добросовестных ребят. наших ребят. Двое — не выдержали круглосуточных издевательств и заболели. Василий определил их в бирюлевскую больницу, как гражданских. Вылечатся — потом разберемся. Телефон — тоже забрали. И — никого. Пока была школа, каждую неделю — были какие-то проверки, то с управления, то с Округа. А что — Москва рядом, почему не проверять, особенно, если делать нечего. А как все увезли, — никого, ни новых хозяев, ни проверяющих, ни тем более кого-то из бывших.

И тогда Василий пошел обивать пороги «вышестоящих». Начал со строительного управления округа, управления кадров, а потом — по всем отделам подряд, куда смог попасть. Он рассказывал, показывал солдатские книжки своих ребят, просил, ругался, доказывал. Поначалу, все ему объясняли, что школа в Бирюлево ликвидирована, там никого нет, потом смеялись, начали издеваться и, в конце концов, запретили пускать его в управление и пригрозили арестом.

Тогда он сумел в составе группы военных пройти в здание штаба Московского военного Округа. Не стал заходить ни к кому, а выждал, как на лестнице появился какой-то генерал-лейтенант и просто обратился к нему, попросил выслушать. Генерал был из старых фронтовиков, завел Василия в кабинет, внимательно выслушал его рассказ о том, как его группа вначале была всем нужна, причем круглосуточно, а потом за неё просто забыли и откровенно издевались, в ответ на его попытки доказать, что в школе еще остались люди. Василий не вдавался в детали, но обрисовал картину нынешнего положения группы и отношения к ним везде, куда бы он ни обращался, по инстанции, довольно понятно.

Генерал спросил, откуда Василий родом и откуда был призван в армию. Когда узнал, что он пять лет пахал целину в Казахстане — поинтересовался, как там, на целине, а то мол, только по радио, да из газет, слышал про это, а что там на самом деле — не знает.

Василий никогда еще не разговаривал с генералом, да и генерал, скорее всего, давно не имел такой доверительной беседы с сержантом, но они, почему-то друг другу поверили, видимо,

находились на одной стороне нашей жизни.

Генерал куда-то позвонил, зашел пожилой полковник. Генерал, в присутствии Василия, строго сказал: «Пошли кого-то из своих ребят посерьезнее, в наше строительное управление. В Бирюлево недавно ликвидировали подведомственную им спецшколу, все документы по ней, в том числе кадровые, находятся сейчас в управлении. Думаю, они их еще и не распаковали. Школы нет — куда спешить. Пусть найдут личные дела вот этих семерых военнослужащих» — генерал передал полковнику семь солдатских книжек, в том числе и Василия. — «Те личные дела заберешь в свое управление, проверишь. Если все сходится — подготовьте приказ за своей подписью о присвоении шести рядовым солдатам этой группы, бывшим курсантам, звания «младший сержант» и отправьте их в войска. Со всеми виновными — мы потом разберемся, но до этого — этих ребят надо из Москвы вывезти, срочно. Служить им в нашем округе уже не дадут те паразиты, поэтому надо их отправить куда-то подальше». Он спросил Василия — откуда призывались его ребята, тот ответил, что пятеро из Западной Украины, это те, кто не сдал экзамены и не получил звания, а один — из Алма-Ата, воспитывался в детском доме, так что ему все равно — куда ехать служить.

«Позвони в Киев — сказал генерал полковнику — в родственное управление, может у них были какие-то заявки на командиров взводов для инженерных войск по округу. Если — да, то отправьте этих забытых ребят, напрямую в какую-то конкретную войсковую часть, минуя всю бюрократическую цепочку. И так, чтобы наши строители даже и не знали об этом! Ну, я им покажу «мертвые души»! Лучше бы они не нашли те личные дела! Очень скоро некоторые из местных кадровиков, узнают, где находятся Владивосток и Чукотка!» — зло закончил генерал.

А вслед уходящему полковнику, добавил: «И чтобы завтра к вечеру этих сержантов в Москве не было! Сделайте все по полной программе! Послезавтра утром мне доложишь! И заберите из бирюлевской больницы двоих бывших курсантов, перевезите их в госпиталь, а как выздоровеют — тоже отправьте их в войска!»».

А Василию сказал: «А тебе спасибо, сынок! Даже не за добросовестную службу, а за ребят спасибо, за командирскую отеческую заботу, хотя они твои же ровесники. Но раз тебя не подвели в такое сложное время, да и просто не разбежались по домам (а ведь и такое могло быть, вас бы никто и не искал, вас же просто списали), значит, верили в тебя и уважали. Еще раз спасибо тебе! Генерал пожал Василию руку и выпроводил его к выходу из кабинета, добавив ему в след: «Возьми у секретаря телефон полковника, которого ты видел, завтра, после обеда придешь в штаб, позвонишь ему с КПП, дальше он скажет, что делать. Не надо больше нарушать пропускной режим! И удачи тебе, сержант!» — улыбнулся он напоследок.

Василий, переполненный радостными эмоциями, через пару часов был в бывшей школе. Для него она не была «бывшей», а даже очень — настоящей. Рассказал ребятам о встрече с генералом в штабе Округа. Они, конечно, обрадовались, но Василий, получивший за последние дни столько негатива из разных источников, особой радости не испытывал, по той простой причине, что перестал верить всем, кто «сверху», особенно в Москве. Он не стал разочаровывать ребят своими предположениями, а предпочел оставить их до завтра.

На другой день, после обеда, он поехал в штаб Округа. Созвонился с полковником, его пропустили, провели в управление кадров. По довольному лицу полковника, Василий почувствовал, что все идет нормально. Так оно и было. Полковник при нем вложил в большой пакет пять личных дел, его, и еще четырех вновь испеченных сержантов, закрыл его и скрепил сургучной печатью. Попутно сказал Василию, что в его личном деле — вложено письмо к командованию части с просьбой о предоставлении ему (Василию) краткосрочного отпуска, по возможности. Вручил Василию конверт, сопроводительное письмо командиру войсковой части, где было сказано, что сержанту Брусенскому поручено сопровождение группы сержантов

(пофамильно) к новому месту службы, а также пять солдатских книжек с печатями штаба Округа в том месте, где было указано присвоение званий для четырех младших сержантов. Кроме того, всем пятерым было выдано положенное денежное довольствие за два месяца, деньги на командировочные расходы при переезде к новому месту службы, и пять железнодорожных билетов до города ...Полтава, то есть города, где и располагалась войсковая часть, в которой им предстояло продолжить службу.

Обрадованный Василий искренне поблагодарил полковника за все, что они успели сделать за такое малое время, попросил передать от всех ребят большое спасибо тому благодетелю генералу и спросил — а как с теми ребятами, что остались в бирюлевской больнице. А их там уже нет, ответил полковник, их перевезли в один из крупных госпиталей, по выздоровлению, они тоже отправятся на службу, тоже младшими сержантами, но уже отдельно от вас.

Вечером, группа из пяти человек сержантов, покинула территорию бывшей школы и двинулась на станцию Бирюлево- товарная. Василий уходил последним, закрыл дверь на ключ, чтобы ветром не раскрывало, и оставил ключ в дверях.... Постоял, погладил входную дверь на КПП. Больше года тому назад он вошел сюда в гражданской одежде, только понаслышке зная что-то о воинской службе, а сейчас уходит уже вполне зрелым младшим командиром, командиром лучшей учебной смены ПОСЛЕДНЕГО выпуска этой школы, бывшего флотского подчинения. А как не хотела школа отпускать его! Почти два месяца абсолютно незаслуженных мытарств по ликвидации школы, вместо того, чтобы покинуть её стены одним из первых и с определенным почетом. Вместо этого (и после всего пережитого!), его с ребятами, чуть ли не тайком выпроваживают из Москвы подальше....В ночь — группа выехала в Полтаву. Через сутки — Василий уже сидел в кабинете начальника штаба и просто рассказал все, как было, и почему вдруг он и его группа оказались здесь.

Глава вторая

Начальник штаба перестал изучать личные дела прибывших сержантов, несколько минут молчал, а потом спросил: «А как фамилия того генерала, который с тобой беседовал в штабе Округа, в Москве, не помнишь?». Василий назвал. Начальник штаба даже переменился в лице: «Да это же заместитель командующего Московским военным Округом. Боевой генерал! Мы с ним в одной армии воевали! Как он там? Я его уже лет пятнадцать не видел». Василий что мог — рассказал. Майор уже по-другому начал с ним разговаривать. Спросил — что за ребята с ним приехали. Василий сказал, что лучше знает Старкова Володю, вместе прибыли из Казахстана. Его сразу взяли писарем в штаб школы, почерк у него красивый. Он не учился в школе, но у него за плечами строительный техникум, парень развитый, физически крепкий и надежный. Трое остальных, учились в других сменах. Василий не знает, почему они не сдали экзамены, там все могло быть, но курс обучения прошли полностью, а уже под его руководством — служили и работали более, чем достойно. Все трое — с Западной Украины, вместе общались, когда Василий был запевалой в ротном украинском хоре, а другие подробности — ему про них неизвестны.

«Ладно»- сказал начальник штаба Василию, — «Благодарю за службу, и за то, что привез нам сразу пять командиров взводов — дальше уже наша забота. Будем служить! И вот еще что, не пугайся, Василий, ротных порядков. Я понимаю, что такое спецшкола, тем более в Москве, где кругом асфальт и все блестит, надраенное. Здесь будет несколько иначе.... Поэтому не пугайся и не принимай близко к сердцу отдельные шероховатости. Поймешь-привыкнешь. Даст Бог!».

Потом он собрал все прибывших сержантов вместе, познакомились. Он рассказал об истории части, куда они прибыли служить, её размещении по объектам; рассказал о специфике и особенностях текущей службы и объявил приказ под роспись присутствующих:- Сержант Брусенский и младший сержант Старков, назначались соответственно командирами 1-го и 2-го взводов четвертой роты, расположенной у села Щербани, это рядом с Полтавой, на юго-восток от города. Остальные, трое сержантов, направляются в распоряжение командиров 1-й и 2-ой рот, расквартированных в Полтаве, их закрепление за взводами, будет произведено несколько позже.

Майор позвонил в 4-ю роту, старшине Сидорчуку, и приказал послать к штабу части дежурную машину, чтобы забрать новых командиров взводов и доставить их в роту. 28 декабря 1960 года, сержанты Брусенский и Старков, прибыли в распоряжение 4-й роты, а вечером того же дня, старшина представил их взводным коллективам.

Взвод Василию понравился — все служат уже по третьему году. Весь взвод — шахтеры из Донбасса, ребята на вид серьезные и толковые. Василий — тоже понравился взводу. Первый разряд по боксу, пять лет отработал, трактористом, комбайнером, шофером, имеет медаль, почетный знак ЦК ВЛКСМ, почти год учил курсантов в спецшколе, женат, дочку имеет. Это уже вызывало доверие, так как почти треть взвода, тоже имели дома семьи. Обе стороны — Взвод и Василий, — сразу и просто почувствовали — Сработаемся!.

Василия и Володю Старкова, определили жить в отдельную «сержантскую» комнату. Там стояло три кровати, по числу командиров взводов, но один из них, старшина Коваль, имел квартиру в военном городке и ночевать ездил домой, вместе со старшиной, поэтому хозяевами комнаты фактически были два сержанта срочной службы — Василий и Владимир. Они впервые за последние четырнадцать месяцев, спали в отдельной комнате! Куда не доходил храп и другие звуки из общей казармы. Эта необычная тишина просто не давала заснуть Василию в первую ночь на новом месте. Б-л-а-г-о-д-а-т-ь — то какая — тишина эта! Даже не верилось, что так может быть, просто быть и все....

На второй день, Василий в первый раз вывел свой взвод на работу. Ознакомился со спецификой производства, нормами выработки, расценками, прикинул взводные возможности, просто посмотрел ребят в работе. Все было нормально. Вечером, в этот день, было объявлено ротное отчетно-выборное комсомольское собрание и отдельным вопросом на нем значилось — встреча и проведение нового, 1961 года.

Собрание проходило после ужина в помещении столовой. Прибыли из города — заместитель командира по политической части, освобожденный комсорг части, появился командир роты, понятно — все трое командиров взводов и — старшина.

Так как бывший комсорг роты, сержант, демобилизовался еще в ноябре, то о проделанной работе отчитывались комсорги взводов. Потом выступали с предложениями — наставлениями замполит, комсорг части, командир роты. Приняли решение по итогам за год и начали избирать комсомольское бюро роты. И тут попросил слова представитель первого взвода, командир первого отделения (бригады), Власенко Василий. Это был настоящий ротный авторитет, самый старший по возрасту среди всех солдат роты, руководитель лучшей бригады части. Он предложил сразу избрать секретарем комсомольской организации роты, нового командира первого взвода Василия Брусенского, который, по его мнению, и мнению первого взвода, не только подходит для этой общественной работы, но и достоин, по сути. Кроме того — он и спортсмен, и на баяне играет и поет хорошо. А потом, мол, избрать и членов комсомольского бюро роты. Все присутствующие поддержали кандидатуру нового комсорга, потом избрали членов бюро, утвердили групп комсоргов взводов, замполит поздравил Василия с избранием секретарем. Василий поблагодарил всех, и собрание перешло к рассмотрению вопроса о встрече и проведении Нового года. Замполит привез из штаба части 200 рублей на елочные украшения, здесь же, на собрании, было собрано еще 400 рублей «пожертвований» на те же цели.

Выбрали двух человек солдат, которые, завтра, 30 декабря, должны будут утром отправиться в город, и закупить там на собранные деньги, елочные украшения и еще какие-нибудь мелочи, сопутствующие празднику; затем — к вечеру того же дня, — планировалось нарядить живую ель, растущую на опушке леса, метрах в тридцати от казармы; протянуть туда электричество, очистить территорию и устроить вокруг той елки, массовое гуляние.

Закупить украшения поручили ротному каптерщику Григорию, серьезному такому, мощному и невозмутимому парню. С ним увязался пойти в помощники, штатный ротный дневальный — Ваня Дохлик, фамилия у него была такая. Он был прямой противоположностью Григория — маленький, весь в каких-то прыщах, юркий такой непоседа, с постоянно не закрывающимся ртом.

Старшина вручил с вечера Григорию все деньги, солдаты, после собрания смотрели в той же столовой кино, а все начальство, ротное и вышестоящее, — уехало в город, по домам. Старшина сказал при всех, что завтра, он наконец-то, возьмет первый выходной за полтора месяца, за старшего в роте остается Брусенский, так как Коваль, старшина, командир третьего взвода — тоже уезжает домой. На том день завершился.

Утром посыльные, Григорий с Иваном, ушли пешком в город, за елочными украшениями, рота — вышла на работу. День прошел нормально, правда, шел холодный дождь со снегом, к вечеру — перешедший в просто дождь. На строительном объекте, где работали солдаты — сплошная непролазная грязь, хорошо хоть в районе казармы была песчаная возвышенность. Все равно — грязь заносилась в казарму, появились неприятные грязевые колдобины на полах, никто их не убирал, не было ни настроения, ни сил. Ждали, пока дождь закончится, и хоть немного подсохнет. Вечером должны были наряжать елку, но уже стемнело, а посыльные с украшениями так и не появились. К выбранной «праздничной» елке подвели электричество, на верхушке повесили трехсот ватную лампу, прикрыли большой жестяной банкой из-под тушенки, чтобы её

не заливало дождем, включили — и она так и висела сиротливо до утра на дереве, освещая пустую поляну. Было сыро, холодно и неудобно. От мокрой солдатской одежды шел неприятный пар. Василий с Володей Старковым, проверили людей, все хозяйство роты и объявили отбой.

Следующий день, 31 декабря, был объявлен выходным. Не стали рано поднимать солдат, по такой погоде — пусть отдохнут. Но часов в семь, — всю казарму разбудил назойливый телефонный звонок. Так как телефон в казарме был спаренным с телефоном в комнате сержантов, Василий взял трубку. «Кто у телефона?» — заорала трубка. «Сержант Брусенский» — ответил Василий. «Какой на хрен сержант!? — снова крик из трубки — «где командир роты или старшина?». «Они — в городе» — ответил Василий. «Я — комендант полтавской гарнизонной гауптвахты, майор Пинчук. Здесь у меня второй день сидят два ваших раздолбая, на них завели несколько серьезных дел, предварительно. Если вы их с утра не заберете — на них нагрузят столько, что очень долго всем разгружать придется, на всех уровнях! Немедленно приезжайте и заберите их, легче будет для всех, там еще и милиция замешана и комендатура, поэтому — немедленно приезжайте иначе у вас Новый год начнется не скоро! Повторяю — немедленно! Это приказ!». Василий не успел ничего сказать, комендант бросил трубку. Объяснять ему, что машины нет, пешком идти около шести километров, по такой погоде, и что все командиры в роте отсутствуют — было бесполезно, поэтому Василий начал звонить дежурному по части, в Полтаву. После нескольких десятков звонков, ему ответил караульный по штабу. Василий попросил передать дежурному по части, чтобы срочно прислали в четвертую роту, закрепленную за ротой машину, для поездки в комендатуру. Караульный, узнав, что звонит какой-то сержант, сперва послал его подальше, а когда Василий пообещал сегодня же найти его в штабе и поближе познакомиться, начал выдавать разные отговорки, типа — а где я буду искать того дежурного, я не имею права покидать пост, а какая погода, ну и т. д... Василий понял, что там говорить не с кем и положил трубку. Позже он нашел того дежурного и тот больше с ним так не разговаривал, но это было потом, а в тот день, минут через двадцать, позвонил дежурный по части. Может тот караульный ему передал, может просто позвонил узнать, как дела в роте, неважно, но через час, Василий выехал в город и потом предстал перед комендантом гауптвахты.

Коменданты гауптвахт, во все времена и независимо от места нахождения — это категория особая, и полтавский майор не был исключением. Он сразу набросился на вошедшего Василия, как будто тот уже был арестованным и направленным к нему на истязания. Но увидев крепкого, подтянутого и аккуратного, а главное — спокойного, сержанта, остудил свой пыл и зло спросил: «А ты откуда в той банде взялся?». «Прибыл, из Москвы» — ответил Василий. Комендант спросил — это ваши солдаты? — и назвал фамилии Григория — каптерщика и Ивана. Василий ответил утвердительно. Тогда майор дал ему почитать два протокола их вчерашнего задержания, — от начальника военного патруля и от начальника патруля милицейского, при железнодорожном вокзале. Потом плюнул и сказал: — «Потом считаешь, по дороге; а пока — срочно забирай тех бандитов, обоих, забирай эти протоколы и исчезай отсюда, пока милиция не приехала. Они их так просто не отпустят, а я скажу — что сбежали, а никаких бумаг не видел....Подполковнику, вашему командиру, привет передай, мы когда-то вместе служили...». Когда Василий уже выходил, майор еще добавил: «А все равно уже; там еще два ваших артиста вчера привезли, из полтавских рот, самовольщики. Ты заведи их тоже, сержант; завезешь их в вашу часть, а своих — вези быстрее в Щербани, да разберитесь там с ними, посерьезней. Давай, живей. Я тебя не видел, ты меня — тоже!».

Василий оперативно принял всех четырех арестованных. Когда выехали за территорию гауптвахты, попросил водителя заехать в какой-нибудь глухой переулок и остановиться. Потом поднялся в кузов. Машина была вездеход ГАЗ-63, с боковыми откидными сидениями и брезентовым тентом. Василий представился и познакомился с теми, кого он вывез. Двоих из

своей роты, он уже знал, а двое других солдат, как сказал комендант — самовольщиков, были штатными работниками их войсковой части — один Александр Левин, заведующий клубом, второй — Александр Лукин, киномеханик и по совместительству — почтальон.

Так было угодно судьбе, что в то пасмурное холодное утро, в кузове вездехода, нечаянно познакомились главные герои нашего романа — Два Александра из Киева, Иван из Донбасса и сержант Василий Брусенский. Но тогда они об этом не знали, да и вряд ли им, всем, будет это известно, даже в далеком будущем....

Василий сказал тем «штатным»: «Куда вас лучше завезти, чтобы было проще появиться в части?». Они ответили. Василий передал водителю их слова, потом подвезли обоих к указанному месту и там оставили. «Артисты» пытались его благодарить, Василий только махнул рукой, и машина поехала на выезд из города, в сторону Щербаней. Щербани — это название села, находящегося через поле, от расположения их роты.

По дороге он читал протоколы «допросов» Григория и Ивана, составленные по горячим следам их подвигов, военными патрулями и милицией. Там было много интересного. Картина складывалась из отдельных эпизодов, но очень неприятных эпизодов. В сжатом виде, весь их путь до гауптвахты выглядел так: они вышли пораньше, пока грязь не очень раскисла по пути к автомобильной трассе. До неё было пару километров, дальше пошли по шоссе вправо к мосту через реку Ворскла, а там до окраины города и кольцевой остановки автобуса — было рукой подать. Выйдя на мост, они увидели на берегу с городской стороны, старшину Сидорчука, который стоял перед веером длинных удочек. Рядом с ним, удил еще незнакомый им мужчина. Старшина их заметил и позвал Григория к себе. Когда тот подошел, он протянул ему две замотанных в кусок клеенки, рыбины, приличные для реки Ворсклы, где-то граммов по 500–600, попросил зайти по дороге в военный городок и передать рыбу жене старшины. Пусть она к его приходу — уху сварит. Григорий не раз бывал у старшины дома, хорошо знал его семью, поэтому взял рыбу, и они с Иваном пошли к городу.

Снова начался холодный дождь. Автобуса долго не было. Недалеко от остановки была небольшая чайная. Шустрый Иван все порывался пойти туда...погреться. Григорий, как старший — не разрешал. Но, когда они простояли еще с полчаса, промокли насквозь, а автобуса так и не было видно, — пришлось зайти в ту чайную.

У них, на двоих было тридцать рублей «своих» денег. По общепитовским ценам не хватало даже на бутылку водки. Поэтому, они взяли по сто пятьдесят граммов и горячей еды, на сколько хватило денег. Выходить из теплой чайной на холодный дождь не хотелось, автобус так и не появлялся. Разогревшийся Ваня стал предлагать продолжение «чаепития», но денег у них больше не было, а те общественные 600 рублей, что лежали у Григория в кармане, предназначенные для покупок украшений на елку, он никогда бы не посмел тронуть....

Но время шло, идти пешком в сторону города по такой погоде, им ну очень не хотелось. (Григорий уже позже, так и не сможет объяснить старшине, почему он тогда так поступил). Он подошел к буфетчице и предложил ей купить у него...рыбу. Всего за два стакана водки и два стакана чая. Две приличных свежих рыбины, 31 декабря, в канун Нового года, о чем речь! конечно же — буфетчица согласилась. Но, когда водка была выпита, а закуска съедена, Григорий вдруг осознал содеянное, вспомнил про огромные боксерские кулаки старшины Сидорчука, зашел за прилавок к буфетчице, забрал обмененные на водку рыбины, завернул их в клеенку, засунул за пазуху, легко приподнял за шиворот раскрасневшегося Ваню, и, не обращая внимания на отчаянный визг буфетчицы, вышел на улицу, толкая перед собой напарника. Финт с обменом рыбы на водку, пока дошли до железнодорожного вокзала, они повторили еще дважды. Каким-то образом, возможно где-то в чайных был телефон, кто-то сообщил в милицию, о двух военных, обменщиках-мошенниках и на подходе к вокзалу, их встретил военный патруль, от которого они

отделались, заявив, что они люди гражданские. Погон тогда у военных строителей не было, были только черные петлицы на лацканах бушлатов, да и то, в данном случае — без всяких опознавательных знаков.

Когда к ним подошел милицейский наряд, они заявили, что служат армии, предъявили солдатские книжки и пошли в вокзал- погреться. Когда же к ним подошли вместе оба патруля — военный и милицейский, и старший из милиционеров потребовал у них документы, Григорий (позже он так и не сможет объяснить — почему), достал из-за пазухи одну рыбину, ударил её хвостом милиционера по шее, тот упал, Григорий бросил на него ту рыбину, проворчав: «Вот тебе мои документы!».

Их выволокли из здания вокзала, потом где-то в закоулке, оба патруля вместе, здорово их поколотили и привезли на гауптвахту, сняли быстро показания-объяснения, а так, как наступила ночь, дежурства у патрулей заканчивались, то их оставили в камере, чтобы утром уже разбираться с ними по-настоящему.

Самым неприятным в этой истории было то, что исчезли 600 рублей денег, выданные им на елочные украшения. Григорий клялся, что они ни копейки из них не потратили. Но деньги исчезли, бесследно.... А на дворе было 31 декабря.

«Плакала наша елка»- подумал Василий. Когда он хотел забрать в военном городке старшину Сидорчука, атлет Григорий, буквально умолил Василия вначале завезти их в роту, а потом уже забрать старшину. Он серьезно сказал: «Он (старшина) меня просто убьет...за рыбу», (рыба, кстати, тоже исчезла). По словам милиционеров — она была мягкая и грязная, они её выкинули..., а про деньги, так они — вообще в первый раз слышат.

Василий не стал накалять обстановку, завез бывших арестантов в роту, отдал им солдатские книжки, которые взял у коменданта вместе с протоколами, и послал машину за старшиной. Потом предложил всей роте прибраться, Новый год все-таки наступает. Пару часов поработали, привели в порядок себя и казарму. Было заметно, что все готовятся к встрече Праздника, а как это будет именно здесь, Василий пока не знал.

Пока старшины не было, Григорий навел порядок в каптерке и куда-то исчез, скорее всего, спрятался где-то в столовой или в другом месте, чтобы не попадаться сразу на глаза Сидорчуку. Он хорошо знал старшину, третий год ходил в его подчинении, знал его взрывной характер и могучую силу. В такие минуты лучше было не попадаться ему на глаза, а попозже — он отойдет и все разрешится.

Ваня Дохлик занял свое рабочее место — дневального. В роте было трое штатных (постоянных и платных) дежурных — два дневальных и дежурный по роте. Это была епархия старшины — они круглосуточно дежурили — охраняли территорию роты, следили за порядком, организовывали кормление личного состава, обеспечивали водой, питьевой и для мытья, вместе с каптерщиком Григорием, помогали старшине в банные дни, при смене постельного белья и выполняли другие текущие поручения Сидорчука. Поэтому, когда разъяренный старшина, вошел в казарму, первым, кого он увидел — был Ваня, стоящий на посту у тумбочки, с лиловым подбитым глазом. Ваня тут же заорал: «Рота, встать! Смирно!»-и, обращаясь к старшине, начал докладывать: «Товарищ старшина, за время моего дежурства, никаких происшествий не случилось....». «Что?! — перебивая, бросился к дневальному Сидорчук, — «не случилось?!». «Ты, «чахлык невмырущий», а ну иды сюды!»-закричал старшина, видя, что Ваня уже бросился к выходной двери, — «Кажешь — не случилось! Так зараза случиться! Иды сюды, ты — вичный парубок!». Ваню — как ветром сдуло, вылетел пулей ну улицу. «Куды ты динесь, сам прыдешь! И як я мог согласыться послать його с Грышой! Це вин сбыв того с толку! От я старый дурак!». Старшина прошелся по казарме, здоровался с ребятами, остался доволен, потом зашел в комнату сержантов. Василий доложил обо всем, что произошло за сутки, как он был у коменданта

гауптвахты и о причинах и следствиях задержания ротных посыльных за елочными украшениями. Узнав, что те ничего не купили, и денег нет, приказал Василию объявить ротное построение, внутри казармы.

Когда рота была построена, старшина вышел и с горечью проговорил: «Простите нас и себя, ребята! Вы сами выбирали посыльных в город, а они не только пропылы ваши гроши и совесть, воны пропылы чисть нашей роты и прямо перед Новим Роком! Уже нычого не зробіш, но я прыказую — начипляйтэ на ту ёлку, шо хочэтэ, консервних банок, старых чоботив, чи портянок, щоб запомнылы вы вси цэй наш позор. Щоб запомнылы, як вы зустрычалы свий последний Новый год в армии, на всэ життя! А тэпэр, я вас усих поздоровляю с наступающим Новым Годом! Годом вашей демобилизации! Нэхай вин пройдэ для всих вас благополучно! И отдельно спасыби за прошедший рик. Вы — Молодци, отработалы його достойно!». Старшина отправил роту на обед, во главе с Ковалем, а сам зашел с Василием в сержантскую комнату.

«Ну як, Васыль, тоби наша служба? Ты якыйсь такой вэсь правильный, шо даже обматюкать тэбэ хочется. Просто так» — начал старшина- «тоби сегодня прыдется одному тут оставаться. Я даже увольнительных нэ даю ныкому, вси всэ ривно пидуть у сэло. Твий Володька сказав, шо тоже пиде со своим взводом десь гулять, ему з нымы спокийнише будэ. Мы с Ковалем вечиром — поидым додому, командир наш в Кьив, до семьи поихав, так шо керуй тут сам, до завтра. Первого, часов в дэвять, зробым построение и пэрэвирым наши кадры. А ты зараз пообидай и лягай спаты, бо ночь новогодня — е — новогодня. Разни чудэса могут сбуватися. Главное — ничого нэ бийся и нычому не здивувайся. Всэ будэ горазд! С Богом, сержант Брусенский и с наступающим тэбэ, Новим Роком! Хай тоби щастыть!».

Так и сделали. Когда Василий проснулся, было уже темно. Зима, пасмурно. Первое чего он не услышал — это шума казармы. Прав был старшина — кроме одного дневального, в казарме не было никого. Он прошел в столовую, там женщина-посудомойка, из вольнонаемных, домывала посуду; она сказала, что ему оставили ужин на кухонной плите, там же и чайник стоит с готовым чаем. Василий поужинал, зашел в комнату, оделся и вышел на улицу. Дождь перестал, сильно похолодало, ветер рассыпал между деревьями что-то похожее на крупную крупу из снега. Было одиноко, зябко и неудобно. Он обошел все ротное хозяйство вокруг — никого, только ветер и снежная осыпь. Прошел к «новогодней ротной ели». Увешанная чем попало, она ярко освещалась сверху лампой. Мерзлые тряпки и пустые консервные баки под действием ветра и снега, издавали какие-то неземные жуткие звуки. Убедившись, что он единственный, не считая дневального в казарме, из всего личного состава роты, находится в месте её (роты) расположения и, что в радиусе километра от казармы, никого больше нет, Василий пошел в сержантскую комнату и решил написать письмо домой. Это было второе письмо с нового места службы; первое — он сегодня уже отправил, будучи в городе. Писать было особо нечего, просто письмо с очередным новогодним поздравлением. Но этот раз Василий все-таки написал, что возможно ему скоро дадут краткосрочный отпуск, начальник штаба ему сообщил, что в его личном деле, было ходатайство о предоставлении ему отпуска, по возможности....Тот же начальник ему и сказал, что вот освоится на новом месте — и вопрос может быть решен. Если получится — то Василий решил перевезти их на свою родину. Там остался у них небольшой дом, будет, где жить на первое время.

Написав письмо, Василий лег на кровать, вспоминал жену, дочку. Когда уезжал — она была совсем маленькая, а перед отъездом из Москвы получил письмо жены и фото дочки, там ей уже больше года. Уже ходит, отдельные слова говорит. Как они там? Тяжело, наверное. Он постоянно, чем мог — помогал, посылал те небольшие командирские деньги, что получал. Не пил, не курил, оставлял себе только на мелкие текущие надобности. Насколько он знал, основная масса служивших рядом с ним курсантов и командиров смен, только все время просили (и получали) — посылки и деньги из дома, но, чтобы кто-то из них посылал деньги домой — таких в школе не было. Это точно. Ну и ничего, обошелся без посылок и подкормок, слава Богу. Наоборот — окреп, возмужал и многому научился. Жизнь заставила...

Вышел в казарму, поговорил с дневальным, спросил — почему остался, а не ушел, тем более, что его штатный напарник, тот самый Ваня Дохлик, вроде бы как должен быть наказан за все произошедшее. Дневальный признался, что во-первых, он «не по этой части», во-вторых — у него дома, в Горловке, — жена и дочка, а в третьих, — ему разрешили поступить заочно, здесь на месте, в Полтавский строительный техникум и он сейчас готовит контрольную работу. А с того напарника, Вани, больше пользы, когда его нету. Да и жена у него в Щербанях, официальная вроде бы, хотя и четвертая за период службы. Дома, в Донбассе, у него тоже жена есть и тоже официальная, и дочка. Не знаю, как он с ними со всеми расписывается, а потом козыряет перед начальством официальной женитьбой и требует суточных увольнений....Как они, те жены, с ним общаются, тем более спят, не знаю; я бы с ним, простите, даже рядом бы не сидел, вы же видели его, товарищ сержант....

Получив информацию к размышлению, Василий не стал мешать дневальному заниматься учебой, и пошел к себе, довольный уже тем, что в роте немало женатых солдат, причем, некоторые из них, женаты не по одному разу. Для него это было непонятно, непривычно, но раз так, значит так. Постепенно разберемся и в этих вопросах.

Он спросил у дневального, когда хотя бы примерно, солдаты начнут появляться сегодня, спросил просто так, для разговора, зная ответ заранее. Но дневальный просто ответил, что до часу ночи — точно никого не будет, а в общем они и сами не знают, когда придут в казарму. Как пойдет....

Ни радио, ни телевидения в казарме не было, зато была годовая подшивка окружной газеты «Ленинское знамя» за текущий год. Василий любил читать, в том числе и газеты. Он так «вчитался», что чуть не прозевал Новый год по казахстанскому времени, то есть того места, где сейчас находилась его семья. Ровно в десять часов по Москве, он мысленно поздравил с наступившим новым годом своих родных и вышел снова на улицу. Снег перестал, но холодный ветер так и продолжает трепать мерзлые «игрушки» на ротной елке. Обойдя снова всю ротную территорию, Василий вернулся в комнату. Все было как обычно, ничего не изменилось в казарме. Но, на столе, возле его кровати, стоял небольшой темный керамический кувшин, прикрытый куском хлеба, сверху которого лежали два кусочка жареной рыбы. Он вернулся в казарму. Дневальный сидел в дальнем её конце на своей койке и что-то писал, больше никого в помещении не было. Василий спросил у дневального — кто-нибудь заходил, пока меня не было, тот ответил, что нет.

Василий вернулся в комнату, взял в руки кувшин, хлеб с рыбой отложил в сторону. Кувшин был полон жидкости, где-то в объеме полулитра. Понюхав её, он понял, что это обычный свекольный самогон, но явно хорошего качества. Что это, провокация или кто-то просто поделился напитком в канун Нового года? Кто его знает. Хотя и он еще никого не знает по-настоящему, да и его — тоже. Кто же сумел пройти не замеченным в комнату так, что ни дневальный, ни сам Василий его не заметил! Может дневальный и знает, кто был, так теперь уже не признается. Думай, не думай, а делать что-то надо. Давай, Вася, допустим, что это тебе новогодний подарок от твоего взвода. Напрямую постеснялись отдать, ты мог и не взять, поэтому — поставили инкогнито.... А вдруг какая-то провокация? Да какая там провокация, когда в казарме никого нет!

Посомневавшись, он все-таки убедил себя, что это подарок, от его ребят. Взял свою кружку, налил несколько граммов из кувшина, попробовал на язык — нормальный обычный самогон. Он выпил ту «пробную» порцию, потом налил еще граммов сто и выпил.... Подождал — не упадет ли. Ничего — тепло пошло по телу. Пожевал хлебушка. Пить больше не стал. Все было нормально. Где-то, через час, снова вышел на улицу, обошел территорию, продрог основательно после теплой печки в комнате, вернулся обратно и дважды налил себе из кувшина. Без пяти двенадцать, проводил «старый», очень напряженный, но в принципе добрый и полезный, 1960 год, а в полночь — поздравил семью и родных с наступившим Новым годом. То, что осталось в кувшине — накрыл Уставом внутренней службы, пылившимся на столе. Когда, часа в четыре утра, появился Володя Старков, он увидел кувшин, понюхал содержимое, потом прямо из кувшина, влил его в себя, запил водой из графина и благодарно выдавил: «А вы неплохо устроились, товарищ дежурный! А закусить у вас нечем?». «Нечем — ответил Василий — было, но мало, съели». В казарму один за другим, заходили оживленные солдаты. Некоторые были даже очень оживленные. Василий не стал выходить их встречать, а подождал, пока движение прекратилось, затем прошелся по казарме. Несколько коек были пустыми, дневальный объяснил — это те, официально женатые. Утром придут. Действительно, часам к семи утра, весь личный состав роты был в наличии. В половине восьмого (Новый год все-таки!), Василий поднял роту, повел на завтрак, а к половине девятого, прибыли из города ротные командиры. Новогодняя ночь прошла без приключений. Василий доложил командиру роты о прошедшем дежурстве, без излишних подробностей и отправился отдыхать. Первый праздник на новом месте прошел. И — слава Богу. Интересно было и то, что кувшин из комнаты исчез так же, как и появился —

незаметно. И ни Василий, и никто другой об этом случае, так никогда и не узнали. Даже Старков, уже к вечеру, спросил: «Слушай, Вася, ты не помнишь — я пил что-то ночью, когда пришел, уже здесь в комнате? Что-то вроде как померещилось, что пил, а вот, что и откуда оно взялось — не помню». «Да перестань ты, — серьезно отвечал Василий — «в казарме кроме меня и дневального, никого не было, откуда спиртное вдруг могло появиться! Да и следов никаких нет!». Старков согласился, что, наверное, ему показалось, и на этом инцидент с кувшином, был исчерпан. Навсегда.

Пошла первая рабочая неделя в новом году. С января — в десять раз уменьшились расценки на выполняемые работы и цены на товары и услуги, по той простой причине, что прошла деноминация советского рубля, ровно в десять раз в сторону уменьшения. Просто объем денежного оборота уменьшили десятикратно. И все. Казалось бы, ну и что — дешевле стал рубль и цены стали соответственно ниже, но во всей этой «операции» было много незаметных «подводных» камней, которые очень скоро превращались в экономические проблемы, в первую очередь для населения. Два первых месяца года, ходили старые и новые деньги, потом, в этом плане, все нормализовалось.

Старшина привез из штаба приказ, который был объявлен роте, как очень серьезный и обязательный. В связи с эпидемией какого-то там вида гриппа, в области был введен карантин. Ну, карантин — карантином, а поставленные перед ротой задачи, никто не отменял. Жизнь и работа продолжались, но по всему полтавскому гарнизону, категорически запрещались любые увольнения военнослужащих за пределы территории войсковой части, особенно связанные с посещением других населенных пунктов. Старшина сделал упор именно на этот момент, заявив, что все «походы» по Щербаням и окружающим их малым селам — отменяются, для всех, в том числе официально женатых военнослужащих. В штабе сказали, что за отпуск в увольнение кого бы- то ни было, будут сурово наказаны командиры, а для солдат срочной службы, самовольное оставление части в период карантина, будет приравнено к дезертирству, со всеми вытекающими последствиями.

Накануне Рождества, шестого января, старшина Сидорчук, вначале уехал с Ковалем в город, а потом, часа через два неожиданно вернулся. Сказал, что будет ночевать в казарме. Его жена, с детьми поехали к маме в село, повезли традиционную «вечерю» в православный сочельник, он их проводил на автобус и облегченно вздохнул- есть пару дней «семейного увольнения»! А чтобы не связываться в этот день с другими «однопольчанами», проживающими в военном городке — он решил, что лучше и спокойнее будет провести этот «святой вечер» — в роте. Тем более, после вступления в силу приказа о запрете увольнений. Хотелось бы видеть, кто и как будет тот приказ исполнять. Когда старшина вернулся в роту — было уже темно. Василий привел роту с ужина, солдаты разошлись по своим местам. Старшина лежал на кровати Коваля и дремал.

Сидорчук спросил у Василия: «А вы со Старковым уже поужинали?». Василий ответил, что пока нет, решили вначале покормить ребят. День был тяжелый, несколько раз пускался ледяной дождь, все промокли — пусть отдыхают, а мы пока — поужинаем. Они втроем пошли в столовую. По дороге Василий спросил, почему старшина вернулся. А получил увольнение в период карантина — весело отозвался старшина. Жена давно маму не видела, ну и поехала в село, на «вечерю», с детьми. А я ж, слава Богу, член партии (хоть тут польза), значит, не имею права Рождество встречать, а они еще и в церковь обязательно пойдут, потом — кто-нибудь донесет, — неприятностей не оберешься. Да, честно говоря, я и свою тещу хотел бы видеть хорошо, если раз в год, на какое-нибудь там, Первое мая.

Они принялись за ужин. Старшина достал из одного из своих огромных карманов, бутылку «Перцовки», сказал: «Давайте погреемся немного!» — и разлил настойку по кружкам.

Не спеша поужинали, старшина со Старковым еще покурили под навесом, и все трое пошли в казарму. То, что их там ждало — не оговорено ни в одном из Уставов армейской службы.... В казарме не было никого, кроме знакомого уже Василию по новогодней ночи, дневального. Тот сидел в глубине казармы и что-то писал. Заметив вошедших — подбежал к старшине и спросил: «А вы что не стали смотреть кино? Все ушли, сказали — кино хорошее привезли».

«Якэ там на хрен кино! — заорал Сидорчук, — когда воны ушли?». «Да с полчасика назад — растерянно сказал дневальный, — «Пришли с ужина, переоделись и все ушли, сказали в кино. Я сам хотел запереть казарму и тоже пойти, но не решился». «Твое щастя!» — бросил старшина и быстро вышел из казармы. Василий и Старков — за ним. Куда там! Холодный дождь не переставал. Холод, темень, и ...никого.

При входе в казарму, было что-то вроде коридорчика, там по обеим сторонам, стояли две скамейки, а в углу — обрезок толстостенной трубы, диаметром где-то миллиметров триста, в виде урны для окурков. Старшина сказал, что сейчас пока рано, а часа через два — он здесь засядет, и будет встречать «тих дезертиров». Того, кто первым войдет в казарму — он задушит собственными руками.... А пока — пошли в комнату сержантов.

Они долго беседовали на разные темы, потом Старков лег спать, а старшина направился в «засаду». Василий пошел вместе с ним, во — первых потому, что он в эту ночь по графику дежурил, а во-вторых, он боялся за возбужденного старшину. В таком состоянии, при таких обстоятельствах и при его физических возможностях, Сидорчук мог наделать лишнего и допустить такое, было нельзя.

Они сидели вдвоем в курилке, ждали отсутствующих солдат, и просто беседовали. За жизнь. Старшине Василий понравился сразу по прибытию в роту, по всем параметрам. Особенно ему импонировало, что они разговаривали между собой, по- украински. Кто с детства говорил на украинском языке, в будущем — не будет отвечать по-русски, если к нему обратятся по-украински. Это аксиома. Если где-то бывает не так, то чаще всего, это показная фальшь. У Василия мама чаще говорила по-украински, отец- только по-русски. У мамы — отец говорил по-русски, а её мама — по-украински, а у отца Василия, мама говорила по-русски (всегда), а отец — по-украински, и тоже всегда. Разговаривая между собой, они говорили на разных, но абсолютно родных для обеих сторон, языках, и не замечали этого, тем более, не подчеркивали это. Они были просто люди, одинаковые. Поэтому Василий, в разговоре с Сидорчуком, автоматически переходил на украинский. И тому это нравилось. Он как-то сразу стал считать Василия своим, «нашим». Возможно, здесь какую-то роль играло их деревенское происхождение и похожесть судеб, возможно, и что-то другое, труднообъяснимое, чисто личностное, природное, но...хорошее.

Старшина успокоился, курил и рассказывал про свою, не такую уж веселую жизнь. Хотя он был на тринадцать лет старше Василия, но говорил с ним, как с уважаемым младшим братом. Рассказал, что родом с Полтавщины. До войны успел закончить четыре класса, село у них было маленькое, и школа была четырехклассная. Семья жила бедно. Отец, мать, старший брат и Григорий, чудом выжили в голодные тридцатые годы. После школы, Григорий работал в колхозе, ездовым на волах. Брата во время финской войны призвали в армию, потом он служил в Пинске, под Брестом, там и погиб, в первые же дни войны. Потом пришли немцы. Их село стояло вдалеке от больших дорог, гитлеровцы туда почти не заглядывали, а если и проезжали мимо, иногда, то подростки, ровесники Григория, как правило, прятались где-нибудь в камышах, чтобы их не увидели и не забрали в Германию. Питались «подножным кормом», ловили рыбу, мололи всевозможные корни на муку, ловили птиц, зайцев и тем жили. После гибели старшего сына, пожилые уже, отец и мать, совсем сдали, и, перед приходом наших войск, осенью сорок третьего года, один за другим, покинули этот свет. В начале сорок четвертого года, Григорию

исполнилось семнадцать, он был призван в армию и, после двухнедельной подготовки — попал на фронт. Повезло, был несколько раз легко ранен, закончил войну в Венгрии. В общей сложности отслужил шесть с половиной лет и в пятидесятом, — вернулся домой. В селе — на месте их старой хаты, — осталась только куча мусора. Поехал в Полтаву. Там тоже — куда пойти?. Специальности — никакой. Последние два года службы — был старшиной батареи. При постановке на учет в военкомате, считай — повезло — предложили пойти на службу в армию, старшиной стрелковой роты. Пошел. И с тех пор, уже более десяти лет «старшинствует». При появлении в Полтаве строительных частей — перешел туда, тоже старшиной, женился, дали квартиру в военном городке, так жизнь и продолжается. Постоянно где-то в лесах, в холоде, в грязи, как вот здесь, и так все время, из года в год. Солдаты отбывают свой срок и уходят по домам, — а мы, как те волю, тянем лямку дальше. Кроме казармы, леса и солдат, с их заботами и проблемами, — ничего у нас другого нет. Как и нет выходных по воскресеньям, когда семья вся дома, как и нет всех праздников, вне расположения части, и как нет многого чего другого, в том числе нормальной зарплаты, да и нормального отношения — тоже, — грустно поведал старшина.

На улице продолжал бушевать ветер с дождем, никто не появлялся. Сидорчук спросил: «Слухай, Васыль, а як ты тута очутывся, в Полтави?. Хлопци кажуть, шо ты и на цылыни був? Цэ — правда?». Василий вкратце рассказал, как по комсомольской путевке поехал Казахстан, как в отделе кадров ему приписали два года, чтобы не было проблем с профсоюзом, благо паспортов на селе не было, а все данные по его рождению пропали во время войны. Как отработал он пять лет трактористом, комбайнером, водителем, в МТС, как не брали с целинных районов в то время в армию, по брони, а когда женился и вернулся в домой, в Молдавию, там брони не было, и его сразу определили во флот, в подводники. А это значило — пять лет службы, четыре года официальных и почти год «предварительный — бесплатный», так как призывали с апреля месяца. Как пришлось снова возвращаться в Казахстан, а там тоже все брони были ликвидированы и его призвали из Казахстана, правда уже осенью, но — тоже во флот! Повезло попасть в годичную спецшколу флотского подчинения. После шести месяцев учебы, сдал экстерном итоговые экзамены и еще полгода — был командиром учебной смены, той, в которой начинал службу. Рассказал Василий и, каким образом попал в Полтаву и, как привез еще четырех сержантов.

Старшина сказал, что слышал разговор у начальника штаба части, что вроде бы из Москвы было ходатайство о предоставлении ему, Василию, отпуска, по возможности. Василий сказал, что знает об этом, но ему самому напоминать об этом начальству — просто неудобно. Придет время и «возможности», может сами отпустят. Он решил перевезти жену с дочкой на свою родину, в Молдавию. Там есть у них небольшой домик, жить есть где, только как она там будет, одна, с дочкой и без ничего — тяжело сказать. Матери у Василия не было, отец женился на другой женщине и живет по той же улице, где находится тот домик.

В настоящее время жена живет у своих родителей, в Казахстане, и все вроде бы было нормально, но пришел из армии старший её брат, женился, привел в дом жену, естественно, начались внутрисемейные проблемы. Тем более, у нас маленькая дочка, да еще старшая сестра разошлась с мужем и вернулась тоже к родителям, так что будет лучше, если их перевезти ко мне домой. Даст Бог — выдержим, пока я закончу службу — только, чтобы все-таки дали мне отпуск. Старшина пообещал тоже при случае в этом вопросе походатайствовать перед командованием, если представится подходящий момент.....Потом добавил: «Слухай, Васыль, давай будэмо гаворыць друг другу на «ты», а то якось нэ красыво получаецца, я тоби- ты, ты мэни — вы. Ты нэ против?». «Не против — засмеялся Василий — но, я буду называть тебя на ты, и — Григорием Павловичем. Согласен?». На том и остановились.

Было уже за полночь. Никто из солдат так и не появился. Сидорчук и Василий вошли в казарму. Каково же было их удивление сразу при входе: весь личный состав роты находился на своих местах. ВЕСЬ! И все спали (или делали вид, что спят). Старшина было дернулся к дневальному, Василий — взял его под руку: «Григорий Павлович! Не надо! Тебя здесь никто не видел, и тебя здесь не было!». Они вышли на крыльцо. «Ну, паразиты» — заскрипел зубами Сидорчук — я вам покажу! А как же вонь попала в казарму? Двери одни, окна не открываются, а ж вонь пролизы?». Они обошли казарму вокруг, у старшины был мощный электрический фонарь. Место «проникновения» нашли по грязным следам на стене. Все было просто: когда собирали щитовую казарму, а собирали её те же солдаты, они одно окно в «ленинской» комнате, специально перевернули верхом — вниз, чтобы большая оконная форточка открывалась в нижней части окна. Один человек влезает через форточку в окно, раскрывает его (оно специально было поставлено — распахивающимся на две стороны), а потом — все проникают во внутрь за несколько минут.... Что и было сделано, пока они сидели в закрытом коридорчике и беседовали.

Старшина хотел объявить роте подъем, Василий с трудом уговорил его не делать этого, чтобы не случилось чего-то еще хуже. Они пошли в комнату сержантов и легли спать. Василий, как дежурный, — не раздеваясь. Старков с Сидорчуком заснули, а Василий — лежал и думал. А ведь старшину надо выручать после предрождественского «ротного бунта»! Утром он объявил приказ о запрещении увольнений, а вечером — вся! Рота самовольно покинула казарму. Это — уже вызов! Наверняка среди солдат есть доносчики, которые обязательно кому-то доложат. Здесь могут пришить всё, что угодно. Хорошо, что старшину в роте никто не видел, кроме дневального, да и тот может подумать, что старшина уехал в ночь домой.

Как бы то ни было, надо красиво выйти из этого положения, иначе у Сидорчука могут быть серьезные неприятности. Даже — очень серьезные. Перед подъемом роты, Василий с большим трудом убедил старшину не выходить из комнаты — в казарму, до тех пор, пока они со Старковым не приведут роту после завтрака. Он просто попросил его, сказав: «Григорий Павлович, прошу тебя — не выходи, пока Володя тебя не позовет. Тебя здесь не было, ты вроде, как только приехал, во время завтрака. Так надо. Потом — все обговорим. Пожалуйста!». Старшина остался лежать на койке. Василий пошел объявлять роте подъем. После команды — прошелся по казарме. Проходя мимо командира первого отделения, Власенко, тихо произнес: «Имейте в виду, старшины ночью в роте не было!» — и пошел дальше.

Потом Василий повел роту на завтрак. Когда пришли со столовой, в комнату сержантов вошел Старков и доложил старшине, что рота стоит в строю перед казармой и ждет его появления. Сидорчук вышел, Василий подал команду: «Рота, равняйся! Смирно! — равнение на середину!» и пошел докладывать старшине. Тот махнул рукой сказал: «Вольно!» и, только открыл рот, чтобы что-то сказать, как из строя послышался голос: «Товарищ старшина, разрешите обратиться?!». Голос принадлежал Василию Власенко, командиру первого отделения (бригады) из первого взвода. Старшина не успел ничего ответить, как Власенко, стоявший в первом ротном ряду справа, четким строевым шагом, сделал несколько шагов вперед, повернул налево, подошел к старшине, остановился метров в двух, отдал честь и сказал: «Разрешите сказать несколько слов, товарищ старшина!». Старшина промолчал. Тогда Власенко, повернувшись лицом к роте и, стоя несколько левее старшины, обратился ко всем сразу — и к командирам, и к солдатам:

«Третий год — рота для нас, как большая семья. Поэтому и обращаюсь ко всем, как к своей семье. Вас, товарищ старшина, ночью не было, а у нас тут случилась большая неприятность, очень большая. Мы совершили, можно сказать, групповое преступление, подвели и вас, и наших командиров взводов, да и все руководство нашей части, нарушив приказ по гарнизону, зачитанный вами вчера, перед ротой. И главным виновником всего совершенного, я считаю

себя..., как бы это странно не звучало. Вы знаете, что за все время службы, лично я, никогда не покидал самовольно расположение роты; меня эти увольнения в город и в окружающие села, особо не интересовали никогда, и не интересуют сегодня. А вчера — я тоже ушел, не мог не уйти. И вот почему. Вчера на объекте, мне случайно, но абсолютно точно, стало известно, от наших производителей работ, гражданских, что наша рота и вся наша часть, максимум через неделю, поменяет место своего расположения и место работы. Тем людям, от кого я это узнал — верю, как самому себе. Да они никакой тайны из этого и не делали, все уже было решено, где-то там «наверху». Понятно, что нас об этом не предупреждали, чтобы не расхолаживать, но это правда. Естественно, я рассказал об этом своей бригаде, ну, а через них, об этом узнала вся рота. Сегодня праздник Рождества, вчера у наших православных людей был традиционный «сочельник», по — украински — «святый вѣчир». Так случилось, что для нас в этом месте — это будет последний «праздник», отмечаемый традиционно, как здесь, особенно, в селах, так и у нас дома, на родине. Отпрашиваться в увольнение, почти всем составом роты, именно в день, когда нам зачитали приказ о запрещении увольнений, было бы просто глупо. Вы на это пойти просто не имели право и стали бы просто препятствием на пути роты, даже физическим. Не стали бы мы же вырываться силой в то село. А многим из нас это было очень надо, тем более, в такой ситуации. Вы думаете, наши солдаты ходят по селам, чтобы только напиться да переспать с кем-то?. Да они ходят туда, в первую очередь потому, что хотят жить и работать. Ходят, чтобы, хотя бы погреться и высушиться. Вы же видите, мы третий месяц ходим мокрые, рабочая роба не успевает высохнуть за ночь. Хоть три пары одежды нам дайте, она все равно будет влажной, потому, что на работе весь день мокнем, спим мокрые и встаем мокрые и каждый день так, и бесконечно. Поэтому и ходят ребята в те села, хоть высушиться, подшиться, да погреться внутри и снаружи.... Мы же все должны были давно переболеть на такой работе и при такой погоде, а-ничего, держимся и работаем и, даже хорошо работаем, как вы знаете. И в этом деле, село нам только помогает, а не разлагает. Вот вчера мы и решили сделать такой благодарный праздничный визит в село, нарушив все инструкции и приказы. Причем пошли все, даже те, кто никогда в то село не ходил. Потому что — или все, или никто. Простой армейский, да и для настоящих мужчин, закон. Если бы пошли те, кому обязательно надо, — проститься, долги какие-то отдать и т. д., они были бы сурово наказаны, поэтому пошли все. Всех — не накажут, да мы и так наказаны всем своим существованием здесь, в этой каждодневной грязи и сырости. Вот теперь мы все здесь и вы все знаете, делайте с нами, что хотите, но мы не могли по-другому поступить. Мы же тоже люди. Не зря говорится: — «Если морально устал — надо аморально отдохнуть...». Что мы и сделали. И, заверяю вас, что никаких гриппов мы с собой в роту не принесли....Они, те «гриппы», от нас бежали, как черти от ладана, в эту ночь, перед Рождеством» — закончил Власенко.

Ошеломленный Сидорчук, выслушав исповедь Власенко, которого уважал и всегда ставил в пример, сподобился только спросить у него: «А ты часом нэ знаеш — куды мы пэрыизжаемо?». На что тот серьезно ответил: «А вот сегодня узнаю и — скажу». Он понял старшину, да и тот его понял тоже.

Старшина громко сказал: «Ладно, разберемся с этим — и сразу: «Рота — Смирно! И — Разойдись! Командиры взводов — отправляйте людей по рабочим местам!». На том рождественский инцидент был завершен. Всем было все понятно. Все доносчики прикусили языки. Во-первых рота подтвердит, что старшины ночью в расположении не было, сержанты служат в роте всего неделю, что с них возьмешь, а поднимать шум в части — понятно, никто не будет. На том все и закончилось. Сидорчук, естественно, в мягких тонах, доложил о случившемся командиру роты, а что было дальше — никому неизвестно, потому, что «дальше» просто ничего не было.

Через три дня, без всяких предварительных объявлений, данная войсковая часть, была переведена, в соседнюю, Сумскую область, конкретно — в город Ахтырку. Одна рота (третья по нумерации) так и осталась в Полтавской области, возле Решетиловки, вторую роту разместили на строящемся объекте, в районе города Лебедин, еще одну (первую) — недалеко от Ахтырки, в лесу, четвертую роту с нашими героями — Сидорчуком, Василием, Старковым и Ковалем, разместили на окраине города Ахтырка, в районе ТЭЦ. Там был устроен ЦМС (центральный материальный склад) для этой строительной зоны. Роте вменялось — получение, разгрузка, погрузка строительных материалов и обеспечение ими всех строящихся в этом регионе военных объектов. Здесь же, в Ахтырке, теперь располагался и штаб части. Понятно, что все штатные работники при штабе, — заведующий клубом, киномеханик — почтальон и другие, кто служил срочную службу, — теперь были приписаны к четвертой роте.

Рота переехала быстро. Щитовую казарму собрали и подготовили другие строители, их отправили куда-то на объект, так что впервые четвертая рота, которая всегда, на всех предыдущих объектах, выполняла самые сложные, трудные, и, как правило, «грязные» — земляные, бетонные, отделочные и им подобные работы, была, на третьем году службы, «облагодетельствована» работой на центральном материальном складе. Несмотря на то, что здесь надо было работать практически круглосуточно и тяжело в физическом плане, но в плане условий работы, ответственности и регламентации по качеству и времени, на складе, конечно же, было несравнимо лучше. Тем более — от казармы — до места работы — полсотни метров. Немаловажным было и то, что рота располагалась в черте города, а это благоприятно сказывалось и на условиях проживания и — на возможности для отдыха. До центра города — за двадцать минут, это не то, что добираться по грязи за пять километров в Полтаву или в те утопающие в грязи села, возле которых они располагались раньше. У солдат появилось больше интереса к работе и вообще — к жизни. И это радовало и их командиров.

В части произошли серьезные кадровые изменения. Пришел новый командир части, подполковник, на вид человек серьезный. Командир четвертой роты ушел на повышение в другую часть, начальником штаба, вместо него в роту прибыл новый командир, капитан Трофимов. Никто его раньше не знал, откуда-то его перевели, по замене. Прибыл в часть и новый замполит, капитан Истомин, внешне очень порядочный офицер, по сути — он оказался — еще лучше. С его приходом, жизнь в части сразу изменилась и тоже, в лучшую сторону, видно было, что он пришел надолго, не для карьерного прохождения по должности.

Рота сходу вошла в работу, а чего там, — вся железнодорожная ветка к складу была забита вагонами, их надо было оперативно освобождать, а окружающим стройкам — срочно были необходимы строительные материалы. Без всякой «раскачки», рота сразу приняла на себя все регламентные работы и вошла в нормальный рабочий ритм. Никакого переходного периода просто не было, хорошее принимается быстро. В конце января, Василия пригласил к себе начальник штаба. Он сказал, что новый командир части и его замполит, ознакомившись с личными делами командиров всех уровней и получив объективные характеристики на тех, кто их больше заинтересовал, согласились с предложением от штаба Московского военного Округа, по поводу предоставления ему, Василию, краткосрочного отпуска с выездом на родину. Сегодня такая возможность появилась. Состоялись: — передислокация роты, обустройство на новом месте и вхождение в производственный процесс. Майор добавил, что к нему уже несколько раз приходил старшина Сидорчук и просил содействия в предоставлении этого отпуска, потому что командиры в части — все новые, пока никого не знают и желательно им подсказать, что и было сделано начальником штаба. Согласия командира и замполита были получены, так что он вручает Василию отпускной билет, а соответствующие проездные документы и деньги, он должен получить в финансовом отделе местной дивизии, к которой наша часть прикреплена в плане вопросов финансового обеспечения.

Он тут же вручил отпускной билет, пожал руку, поздравляя с отпуском, и сказал, чтобы поставили его в известность — на когда будут взяты билеты, то есть, когда Василий покинет расположение части. Василий искренне поблагодарил майора и отправился в роту. Там нашел Сидорчука, тоже поблагодарил за поддержку и пошел в центр города, к штабу дивизии.

Получив все необходимые для проезда документы и деньги, он добрался на автобусе на железнодорожный вокзал, взял билет на поезд, до Орска, в Оренбургской области, что всего в пятидесяти километрах от места, где проживала его семья. Маршрут, в принципе был удобным

— от Ахтырки на пригородном поезде 20 км, до станции Кириковка, оттуда на любом поезде — 90 километров до Харькова, а дальше — без всяких пересадок, ежедневно ходил поезд «Днепропетровск — Барнаул», именно через станцию Орск. Василию необходимо было к обеду быть на вокзале в Харькове. Если выехать первым утренним поездом на Кириковку, то спокойно можно добраться до Харькова, часам к десяти — одиннадцати утра. Нормально.

Василий взял в привокзальном магазине две бутылки румынского рома, он тогда стоил по цене московской водки, и — поехал в роту. Ром спрятал, до вечера. Зашел к начальнику штаба, показал билеты и сообщил предварительно, когда должен прибыть в часть, после того, как перевезет свою семью из Казахстана — в Молдавию. Майор все записал, еще раз поздравил Василия с отпуском и они расстались. Василий нашел Сидорчука и попросил договориться с дежурной машиной, чтобы его отвезли завтра к первому поезду. Старшина состыковал Василия с водителем, они договорились, где утром встретятся.

К вечеру, Василий собрал чемодан с давно заготавливаемыми «гостинцами» для домашних, помылся, прогладился и был готов отправляться в неблизкий, но такой радостно-ожидаемый путь.

Ночной Орск — встретил его жесточайшим бураном и морозом. После дождливой Украины, это было необычно и не очень приятно. Но да разве это было главным?! На перроне его встречала жена и её мама. Они, по такой ненастной погоде, наняли в Орске таксиста, который рискнул отправиться ночью в буранную степь, хотя, правда, и за тройную плату....

Дома Василия встречала полуторагодовалая Катя. Она не знала отца и, когда её спрашивали, — а где твой папа? она проходила мимо него и показывала на его портрет.

Пробыв в Казахстане три дня, Василий с женой и дочкой, выехали из Орска, тем же проходящим барнаульским поездом — в Тирасполь, через Харьков и Одессу. Уладив насколько было возможно и позволяло время, семейные дела, Василий, с тяжелым сердцем, возвратился в Ахтырку. Он хорошо представлял себе, как тяжело будет Нине с дочкой, в чужом месте и практически — без ничего. Надеялся, конечно, на двух своих бабушек, в какой-то мере на отца. Но у них тоже было масса нерешенных своих проблем, поэтому Нине будет очень трудно. Он, естественно, будет помогать, но что там его копейки....Только и того, что никто сбоку укорять не будет, как в отцовском доме, в Казахстане, в последнее время. С таким горьким осадком на душе, он появился в роте. Естественно, привез много гостинцев для однополчан-командиров. Начальнику штаба подарил бутылку Тираспольского коньяка, командиру роты — пару бутылок хорошего марочного вина, замполиту — большой пакет с фруктами, а старшине, с коллегами — взводными, несколько литров хорошего домашнего вина, вместе же, с домашней закуской. Довольны были все, но, как сказал старшина Коваль: «Хорошо, но мало...», на что Сидорчук философски заметил: «Доброго никола богато нэ буває!».

Василий отсутствовал больше полмесяца, на работе все было нормально, старшина и Старков присматривали за первым взводом. Да и командиры отделений, и ребята, все это время, понимая, что в отсутствии командира взвода, внимание к ним будет более пристальнее, вели себя более, чем достойно. Взвод уверенно занимал ведущее место в роте, по всем основным показателям, включая дисциплину, порядок размещения и внешний вид.

Узнал Василий и новости социально-культурного плана.... Новый замполит собирает всех, кто что-то умеет на сцене — на занятия по художественной самодеятельности. Сказал, что ждет и его, Василия, как поющего и играющего любителя. Сержанты, что с ним приехали из Москвы, уже рассказали, он был запевала и в роте, и в организованном в школе украинском хоре, который неоднократно выступал в Москве, в разных учебных заведениях, военных и гражданских и принимался везде с большим восторгом. Шефы школы, Московское Высшее Техническое училище им. Баумана, приглашало этот хор на каждый праздник. Поэтому, замполит ждет его и

как участника, и как помощника-организатора, так как Василий еще и секретарь комсомольской организации роты. А сегодня рота, в силу своего расположения, будет представлять в культурно-спортивном плане, — всю нашу войсковую часть. Кроме художественной самодеятельности, замполит пообещал заняться и спортивно-массовой работой и там для Василия, как спортсмена-разрядника — тоже работа найдется. Эти слова замполита, передал ему Сидорчук.

Но «главной», по мнению Сидорчука, ротной новостью на сегодня, была предстоящая женитьба штатного ротного дневального — Вани Дохлика! Назначенное после 8 марта, «торжество» было уже объявлено по роте. Официально был приглашен весь 3-й взвод, во главе с его командиром, старшиной Ковалем. «Мэнэ, тэбэ и Володьку, — Ваня нэ звав. Нэ любэ вин нас, той «чахлык нэвмырущий!» — подвел итог новости Сидорчук. — «Ну хоч Коваль там будэ. — потим похвалыться нам, яки там стравы подадут. Воны будут гулять свальбу в якойсь столовий, чи шо. Думаю, Василь, ты нэ дужэ ображенный тим, шо тэбэ нэ позвалы?» — весело добавил старшина.

«Только нас там и не хватало бы!»-поддержал его Василий.

Переехав из Полтавы в Ахтырку, солдаты роты, сразу почувствовали разницу в отношении к ним со стороны прекрасной половины местного населения....Если раньше, в приполтавских селах, которые были разбросаны вокруг расположения роты, явно ощущался «мужской голод» среди женского, особенно молодого населения; в первую очередь, в силу чисто демографических причин, в послевоенные годы, когда мужчин в наличии было мало (плюс где-то служили, куда-то уехали по различным путевкам, получив паспорта и т. д.), то в Ахтырке, которая была в шесть раз меньше Полтавы, была расквартирована целая дивизия и такого «добра», как солдат, на свободную местную девушку — приходилось по несколько человекПоэтому, в первые пару раз увольнений в город, солдат-строителей, без погон, девчата как бы совсем не замечали. «Своих» хватало и не хуже....

Но, те из девчат, которые рискнули потанцевать, или просто погулять по городу, с солдатами строительной роты, очень быстро поняли, что сытый голодному — не товарищ. Солдат-строитель это не трехрублевый (по денежному содержанию в месяц) солдат их строевой дивизии. Он получает зарплату, и иногда, очень неплохую. Значит, он может и в кафе пригласить, и шоколадку принести, и в кино взять билеты, а то и подарить что-то к какому-нибудь событию и т. д... Качество начало бить количество. Слух о солдатах с деньгами, моментально разнесся по городу, и они сразу поднялись в цене....

Но все эти причины, по мнению Сидорчука и Василия, ну никак не были причастны к данному, конкретному случаю — женитьбе Вани Дохлака. «Щось тут нэ так, Василь, чую мое сердце. Чим же вин заінтэрэсовав ту дурну дивчину, що согласылась выйты за його замиж? Мужським достоинством своим, та якэ там, у нього достоинство? Так, як у мэнэ мызынец! Ни, щось тут нэ так!»- размышлял Сидорчук.

«Григорий Павлович! А ты смотрел солдатскую книжку у Дохлака? Если у него это будет пятая жена за период службы, то должно быть в его книжке минимум четыре штампа из ЗАГса. Но, если там была хотя бы одна запись о регистрации брака, второй штамп ему ни один ЗАГС не поставит. Тем более в графе «семейное положение», всем женатым сразу ставят «Женат» изначально, при первичной выдаче книжки» — сказал Василий. «Слухай — даже привстал Сидорчук- я нэ обращаю внимание на цю мелоч. А у його всигда була тильки одна запись, и — в одному штампі. Тэпэр я вспомны! Ах ты, гад повзучий! Ну я тэбэ оженю цэй раз!».

«Да оставь ты его, Григорий Павлович, — сказал Василий — вот как он придет к тебе со штампом в книжке, вот тогда и разберемся».

Василия вызвал к себе замполит, капитан Истомин. «Вы, Брусенский, у нас секретарь комсомольской организации роты, второй год служите, не думали о вступлении в партию?»- начал он издавека. «В принципе — думал- ответил Василий, — «но у меня нет рекомендаций. Год был в школе — так её расформировали, кого и где из командиров теперь искать, да и некорректно как-то просить, будучи в другом месте».

«Ну, с этим подождем до конца года, вам еще служить долго, — успеете и рекомендации заработать и вступить. Я слышал, как вы играли в роте на баяне, откуда он появился?»-спросил Истомин. «Я недавно привез его из дому, не могу без музыки, привык. Уже лет тринадцать как играю — балалайка, гармонь, потом баян. Учиться музыке не было возможности, учился сам по себе. Играю для удовольствия себя и людей»-ответил Василий. «Поете? — спросил Истомин. «Пою, иногда, тоже для удовольствия, чаще — аккомпанирую другим»-ответил Василий.

«Сержанты, что с вами приехали из Москвы, говорили, что вы были ротным запевалой, а еще, говорят, — солировали там, в украинском хоре?. «Было и такое, ребята-курсанты были в

роте, из Западной Украины, человек пятьдесят, все певучие, ну и попросили меня запевать в их хоре. Зрителям — нравилось, и военным и гражданским»- подтвердил Василий.

«Занимались спортом, вижу у вас первый спортивный разряд, по какому виду?» — спросил замполит. «Спортом я по-настоящему никогда не занимался- признался Василий, если не считать трехмесячных курсов инструкторов-общественников по боксу и штанге. Меня в Казахстане, из МТС, зимой, посылали в областной центр на подготовку. Там и познал азы бокса и штанги. А в селе — какой был спорт, с весны — до глубокой осени — в поле. Раньше, еще в школьные годы, — хорошо бегал, прыгал, первенство района выигрывал. Потом, уже в армии, в спецшколе, наш спорт орг, старший лейтенант, когда познакомился с моими возможностями в процессе учебы, начал держать меня «на подхвате», и, если было где-то надо — выставлял меня на какие-то соревнования, обычно в беге на разные короткие дистанции, в прыжках в длину. А с боксом — вообще интересно получилось — он на футбольной тренировке получил травму и выпустил на ринг вместо себя — меня, мы были в одной весовой категории, а я взял — и выиграл три боя подряд и стал чемпионом округа, первый разряд получил. Так он стал считать, что это я у него чемпионство забрал и больше меня никуда не привлекал, хотя и знал, что на таком уровне, я обязательно выиграю. А так — играю в волейбол, футбол, для души и для общей разминки».

«Понимаю, — сказал капитан, — что нашим ребятам-строителям, часто не до спорта и не до песен, но все равно — жизнь есть жизнь. Мы хотим ко Дню Советской Армии и Военно-морского Флота, небольшой концерт организовать. Вот я и пригласил вас попросить принять в нем участие. Особенно, хотелось бы послушать украинские песни, все-таки на Украине служим. Как вы на это смотрите, Василий? Сможете спеть? Меньше недели осталось до праздника». Василий сказал, что ему и одного дня хватит на подготовку, просто нужно, чтобы кто-то аккомпанировал. Под баян — самому играть и петь можно, но тяжелее, чем с аккомпаниатором.

Замполит сказал, что именно с музыкой проблем не будет. Заведующий клубом части, Александр Левин, закончил музыкальную школу, и Киевское музыкальное училище по классу баяна, он сыграет, что угодно, и на высоком уровне.

«А мы сейчас — все проверим на месте!» — добавил замполит и послал дежурного за Левиным, крикнув вдогонку:- «И пусть он баян возьмет с собой!». Пока ждали Левина, замполит сказал: «Наше политуправление требует проводить, хотя бы раз в неделю, политические информации в строительных ротах. Мы тоже начнем эту работу. Будем делать получасовые информации, в столовой, перед завтраком. После завтрака — будет менее эффектно. Так вот, сержант Брусенский, вам от меня первое партийно-комсомольское поручение — в ближайший понедельник, вам поручается провести политическую информацию в роте, с присутствием, естественно, всего командования части. Тему я давать не буду. Решайте сами, а мы посмотрим, и слушаем, о чем вы нас проинформируете. Надеюсь — вам все понятно?!». Василий ответил: «Так точно!».

Через несколько минут Левин был в кабинете замполита. «Ты какие-то украинские песни играешь?»-спросил его замполит. «Любые!»-сходу ответил Левин. «Сейчас сержант тебе скажет, какие песни; может напеть тебе?»-спросил замполит. «Не надо — только песня — и тональность»-уточнил Левин. Василий указал тональность для пробы и первую песню — «Повий витре на Вкраину». Левин сделал проигрыш, Василий запел, Истомин — слушал. Потом спели — «Ничь яка мисячна», «Ридна маты моя», «Моя вчителька», потом, уже для военного праздника — «Землянка», «Темная ночь», «Огонек». Истомин был в восторге: «Василий, да вы можете сами весь концерт отпеть. Очень неплохо!» — И, обращаясь к Левину, добавил: «Выберите сами несколько номеров для сержанта, но начните с украинских песен! Концерт — 23 февраля, после ужина. Имейте в виду — будут гости из города».

Так Василий ближе познакомился с заведующим клубом, Александром Левиным. Баянист Левин был действительно классный. Василий впервые в жизни пел под чужой аккомпанемент. Это было здорово! Поешь — и петь хочется, тем более — в сопровождении такого мастера. Про то, как Василий вывозил его, Левина, вместе с киномехаником Лукиным, с гауптвахты в Полтаве, не было сказано ни слова. Левин только сказал — куда и когда придти на репетицию.

23 февраля, после ужина, в помещении столовой, состоялось небольшое торжественное собрание в честь Праздника, после него — был дан концерт. Прибыли гости из города и района, начальник политотдела дивизии, размещенной в Ахтырке и директор Ахтырского Дома Офицеров.

Концерт прошел с большим успехом. По два раза вызывали на «Бис», Василия с украинскими песнями, и инструментальный дуэт, в составе Александра Левина (баян) и Александра Лукина (балалайка), который выдавал чудеса исполнения и импровизации. Зрителям особенно нравился момент, когда маленький Лукин, в процессе игры, вращал балалайку вокруг её оси. С обратной её стороны — не было одной деревянной клепки на корпусе и, когда он её вращал, балалайка показывала темную зияющую дыру и издавала жалобные звуки.

После концерта, к замполиту обратились присутствующие гости и попросили самодеятельный коллектив выступить, по возможности: — и в клубе дивизии, и в Доме Офицеров, и в Доме Культуры крупнейшего в городе предприятия, завода «Промсвязь», и в других населенных пунктах района. Истомин — пообещал.

Директор Дома Офицеров, особенно попросил подготовить несколько номеров для участия в большом Праздничном концерте, посвященном Дню Женщин -8 марта. И сообщить об этом заранее, чтобы он включил номера в сводную программу. Замполит потом передал в Дом Офицеров, что от части, будет четыре номера: — Две украинские песни споет Брусенский, по одному номеру представят инструментальный ансамбль и мужской квинтет.

В первый после Дня Советской армии, понедельник, перед завтраком, была объявлена политическая информация. Капитан Истомин позаботился о том, чтобы лектору было удобнее выступать перед сидящими за столами слушателями. Он приказал сделать простую трибуну с двумя ступенями и с неким подобием лекционной кафедры; её покрасили под цвет пола — коричневой краской. Трибуна, сказал замполит, теперь будет находиться всегда в столовой, и использоваться при всех массовых мероприятиях. В обязательном порядке, в столовую была собрана четвертая рота и все, приписанные к ней на сегодня, работники штаба. Пришли все командиры. Это было впервые, так что всем было интересно, о чем их всех, будет информировать сержант Брусенский, выступающий в данном случае, как секретарь комсомольской организации роты.

Василий, естественно, волновался. Последствия контузии в детстве, когда в него стрелял немецкий офицер, до сих пор давали себя знать. Когда он волновался — у него начинало сохнуть во рту, часто перехватывало дыхание, отдельные слова он не мог четко выговорить, начинал мгновенно искать им замену, это не всегда получалось удачно, отчего он еще больше волновался, и все шло еще хуже....

Когда служил в Москве, — обращался к врачам-логопедам, но те только разводили руками, сетуя на то, что «надо было бы раньше обращаться». Оставалось только работать самому и над собой. И у него многое получилось. За время командования учебной сменой в спецшколе, он вел многие занятия, читал, диктовал, разъяснял и...учился-лечился сам. Именно лекционные занятия с курсантами, постоянные тренировки и читки вслух любых материалов, позволили ему, если уж не преодолеть последствия той контузии, то, по крайней мере, научиться владеть собой при пользовании разговорной речью. Кто знал Василия до армии — вряд ли поверили бы, что ему удалось преодолеть тот речевой барьер, который ему мешал в первые двадцать лет.

Но, как бы то ни было, а ему поручено получасовое выступление, перед многими людьми, особенно командирами, прошедшими фронт, и все послевоенные годы имеющими дело с руководством, обучением и воспитанием подчиненных им военнослужащим. Причем, впервые в истории данной роты! И при этом, как сказал замполит — информация первая и — на вольную тему. Василия никто не спрашивал, что и как он готовил, какой и о чем будет материал. И это накладывало еще большую ответственность на комсорга роты.

Когда Истомин объявил о начале политинформации и представил информатора — все притихли. Василий вышел на трибуну и начал.

Он кратко прошелся по основным событиям текущего года. Рассказал о денежной реформе, произошедшей в СССР, сказал, что уже послезавтра, в стране будут ходить только «новые» деньги, два первых месяца — были в обращении старые и новые. Выразил свое мнение о том, что люди еще долгое время не привыкнут и к зарплатам, и новым, вроде бы сравнительно «низким» ценам, и ко всему, что с этим связано. Рассказал, что Куба, с которой у Советского Союза стали с первого дня революции в той стране, налаживаться дружеские отношения, разорвала дипломатические отношения с США, что в тех же США избран новый, самый молодой в истории страны Президент, тем более католик, — Джон Кеннеди, и, что советское руководство, возлагает на нового Президента большие надежды, в плане дальнейшего улучшения взаимоотношений двух стран. Напомнил, что в нашей стране, повсеместно, идет массовое строительство недорогого и малогабаритного жилья, которое народ называет «хрущевками», с целью скорейшего обеспечения для людей, из-за последствий войны, не имеющих крыши над головой, хотя бы элементарных условий для проживания; и добавил, что намечаются улучшения

в плане обеспечения страны электроэнергией — заканчиваются работы по вводу в эксплуатацию, ставшей уже заранее знаменитой и самой мощной из Гидроэлектростанций, — Братской ГЭС. На той же реке Ангаре — планируется построить целый каскад крупных ГЭС.

Закончив краткий обзор текущих событий в мире и стране, Василий сказал, что, по его мнению, было бы очень неплохо для всех собравшихся, получить текущую, жизненную информацию о том месте, куда мы переехали, в силу какой-то необходимости. И что для нас, здесь присутствующих, переезд войсковой части на новое место дислокации, не менее важный момент, чем для тех же США — избрание нового Президента....Ибо нам здесь жить и работать, и наверное, немалое время. Поэтому давайте познакомимся, с тем местом, куда мы прибыли поближе. Думаю — это только улучшит наше отношение к нему, к нашей здесь работе, и к текущей повседневной жизни вообще. На сегодня — это наш дом, наше место и всё, и все, кто нас будут окружать здесь — будут не чужие нам люди. Иначе нельзя.

Город Ахтырка, куда нас привела судьба, — небольшой провинциальный город, по сравнению с другими, даже соседними городами. Название города появилось по разным версиям, в привязке к месту расположения. Построен на реке Ахтырке (стоячая вода — тюрское определение), на месте большого белого пустыря (ахтыр — белый яр), возле горы Охтыр (белая гора — тюркское). В общем, что-то связанное с белым пространством. Есть и легенда о том, что, когда императрица Екатерина Вторая, ехала в Крым по мосту через речку Ахтырку, колесо её кареты провалилось в щель и она воскликнула: «Ах — тырка!». Екатерина была немкой и твердые русские согласные произносила мягко. Но, скорее всего — это лишь легенда.

Судьба Ахтырки, в какой-то мере трагична тем, что город остался в стороне от основных, магистральных путей сообщения, которые формировались уже после его образования и преследовали новые, государственные, в первую очередь, цели, в которые этот город уже не вписывался. Появился он в 1641 году, еще в составе Речи Посполитой, но очень быстро перешел в подчинение Московского государства и долгие годы служил стратегическим опорным защитным рубежом на пути чужеземных завоевателей, будь — то турки, поляки или другие недруги. К началу 18 — го века, Ахтырка была центром нового защитного образования на юго-западе Московского государства, Слобожанской Украины. И, кстати, была самым крупным населенным пунктом в этом районе, в то время. Для примера, в 1785 году, в том же Харькове проживало 10885 человек жителей, то в Ахтырке -12849 человек.

Здесь располагался знаменитый Ахтырский гусарский полк, была своя крепость. Ахтырке во времена «Слобожанщины», территориально подчинялись значительные части современных — Сумской, Полтавской, Харьковской и Белгородской областей. О значении Ахтырского укрепленного района, говорит уже тот факт, что почти за два года до знаменитого Полтавского сражения со шведами в 1709 году, в Ахтырку приезжал с инспекторской проверкой сам царь Петр Первый, а незадолго до той битвы, шведский король Карл Двенадцатый, на пути к Полтаве, не рискнул нападать на Ахтырский гарнизон. Уже позже Ахтырский полк, которым командовал герой Отечественной войны 1812 года, Денис Давыдов, прославил себя в боях с французской армией и был удостоен чести открывать парад войск победителей в Париже, после падения Наполеона. В этом полку, служили — и знаменитый композитор Алябьев (помните Соловей мой, соловей) и даже поэт М.Ю.Лермонтов. А после войны с Наполеоном, полком командовал знаменитый будущий «декабрист» — А.З.Муравьев.

Как населенный пункт, Ахтырка тоже имеет свои особенности. В отличие от подавляющего числа населенных пунктов, основанных на берегах рек, она построена в двух километрах от довольно приличной реки, Ворскла. Причиной такого «отступления», скорее всего, были обильные подпочвенные воды. Вся территория этого региона — низменная, и, хотя город стоит на песчаной почве, вода находится уже на глубине менее метра. В районе Ахтырки, буквально в

нескольких километрах, находится самый большой на Левобережной Украине стоячий водоем (читай — болото), со своей особой флорой и фауной, и особым влиянием на общие климатические условия всего региона. Места здесь можно сказать красивые, но — не очень здоровые в санитарно-эпидемиологическом состоянии. Конечно, в советские времена, много делается по осушению площадей, строительству дорог и т. п., но особые климатические условия и удаление от транспортных магистральных потоков, сыграли свою отрицательную роль; в итоге Ахтырка сегодня не дотягивает до 50 тысяч населения, а Харьков — уже город — миллионник.

Интересно и то, что первая в России государственная табачная фабрика, была построена именно в Ахтырке, еще в 1718 году. Сегодня в городе — два основных жизнеобеспечивающих «кита» — Крупный номерной завод союзного значения — «Промсвязь» и расквартированная в городе полнокровная дивизия. Ахтырка всегда была и остается «военным» городом. В прежние времена, город административно делился на «сотни», по образцу казачьих поселений. И до сих пор, в обращении между горожанами, чаще говорят — не с какой он улицы или квартала, а из какой «сотни».

Раньше, рядом с городом, располагалась — крупная военная авиабаза. И сегодня в городе много военных людей. Это надо иметь в виду нам, воинам-строителям, чтобы и своим поведением, и внешним видом, не отличатся от «строевиков», в худшую сторону. На нас будут смотреть местные люди и, естественно, сравнивать....

В городе есть еще ряд мелких предприятий бытового назначения. Сейчас появилось новое направление и, скорее всего, оно будет процветать какое-то время — это добыча нефти и газа в этом районе. Если вы заметили — на нашу железнодорожную ветку, где мы разгружаем вагоны, уже начинают приходить цистерны с необычной «белой» нефтью. Это — газовый конденсат, он считается чище, чем сама черная нефть и из него легко можно выделить высококачественное горючее. Так что, перспективы у района есть и в этом направлении. Люди, судя по тем встречам, что мы уже имели в городе, — в основном настроены к нам благожелательно. Надо помнить, что нам с ними жить и еще неизвестно — сколько по времени, так что будем вживаться в это место, а — главное — успешно выполнять поставленные перед нами задачи, так завершил информацию Василий. Спросил — есть ли у кого-то вопросы. Вопросов не было, скорее всего, потому, что начали разносить завтрак....

Истомин и потом, командир, дали высокую оценку проведенной политинформации. Замполит даже спросил: «Слушай, Василий Андреевич, а откуда ты набрал столько информации о городе, о его жизни? Или придумал?». «Ну что вы, Федор Васильевич! Разве такое можно, и в таком деле! Я недавно ездил домой, в отпуск. На вокзалах Харькова, Одессы, да и самой Ахтырки, и узловой станции — Кириковка, купил брошюр, карт, газет местных, то есть, всего того, что касается характеристики этого места. Просто, для закрепления памяти. Я уже несколько лет так делаю — где бываю, неважно как, проездом или по делам, — обязательно запасаясь какими-то справочниками. Во-первых — самому интересно, а во вторых — может по жизни пригодиться, как, например, — сегодня, для политинформации.

Новый командир был прямой, серьезный, и без всяких предварительных выкрутасов. Он прямо сказал замполиту: «Знаешь, я думаю, пусть проведение еженедельных информаций, станет для этого сержанта, постоянным пред партийным поручением. Пусть тренируется, пригодиться по жизни!». Истомин согласился. Василий — промолчал. А что тут скажешь.... С того февральского дня и до конца службы, он «информировал» по понедельникам. Постепенно привык, втянулся в информационную систему, и ...на всю жизнь. Так получилось.

А 8 Марта 1961 года, — была среда. Семь человек самодеятельных артистов из строительной части, в шестнадцать часов, пешком, выступили к Дому Офицеров, где в девятнадцать часов, должен будет состояться концерт в честь женского Праздника. Пришли

пораньше, чтобы просто выйти на сцену, «обтереться», почувствовать атмосферу. Выступали в то время — без микрофонов и усилителей, то есть — по-настоящему, вживую. Нашим ребятам отвели комнату на пару часов, для репетиции, показали Программу концерта. Все четыре номера шли подряд — две песни Василия, инструментальный дуэт и потом мужской ансамбль — квинтет. Василия тоже включили в «квинтет», до этого эту песню, пели — «квартетом». Ансамбль пел экзотическую для тех времен, латиноамериканскую песню «Мамая-Керу». Никто из ребят содержание песни не знал, запевал её Левин, ансамбль только подхватывал припев: «Мамая — керу, ма-ма-а...». Песня была веселая, азартная, а главное — громкая и непонятная, потому — всем понравилась и вызвала бурю аплодисментов. Артисты-строители в тот вечер заявили о себе со сцены Дома Офицеров, более чем достойно. На концерте присутствовали все видные люди города, представители власти, даже два генерала — командир дивизии и начальник штаба. Директор Дома Офицеров тепло поблагодарил всех самодеятельных артистов, за участие, сказал, что для них двери Дома всегда открыты, и, что он надеется на дальнейшую совместную работу. Находящаяся рядом с ним жена, дородная такая, еще не старая, очень активная с виду, женщина, поручила мужу навести справки по новым «артистам», появившимся на сцене сегодня. Это касалось ребят из вновь прибывшей строительной части. Своих всех, из дивизии, и городских, она знала прекрасно. На сцене в тот вечер пела её дочь, Алина, и племянница, Жанна, дочь её сестры. У жены директора Дома Офицеров, была своя жизнь, свои принципы, и свои интересы. В их семье, директором была — она.

А у четвертой роты в эти дни главной обсуждаемой проблемой была предстоящая женитьба Вани Дохлика. Пока старшина Сидорчук с Василием, не могли дать логическое объяснение, этой, пятой за время службы Вани, свадьбе, причины её(свадьбы) были просты и понятны, для тех, кто их знал. Как бы это не звучало, но даже сам Ваня не знал этих самых причин. Для него все было просто и понятно: — женитьба на молодой, довольно недурной с виду девушке, мама которой держит «точку», то есть постоянно в «промышленных масштабах», гонит самогонку и ею торгует, причем ни от кого особо не скрываясь, да еще работает буфетчицей в столовой, которая находится рядом с её домом. Живут вдвоем — мать и дочь. Дочь тоже работает в той же столовой. Вывод для Вани — всегда будет что выпить, чем закусить и с кем приятно провести время по полной программе.... Тем более Люба (так звали дочку), по её словам, влюбилась в Ивана с первой же ночи. А мама, — так та сразу дала понять, что души не чаёт в Ване и, когда он приходил к ним в дни увольнения, она выкладывала на стол лучшие по тем временам деликатесы и сверх качественную выпивку, все остальное выкладывала потом — Люба. Люба не знала, конечно, что еще в первый раз, когда Ваня остался у них ночевать, мама проверила все его карманы, искала документы, но, кроме увольнительной до утра, ничего не нашла, даже солдатской книжки, зато нашла в блокноте одну очень интересную справку. При перемене места дислокации, всем солдатам выдали справки о том, сколько денег у них находится на личном сберегательном счете. Так вот у Вани Дохлика, по состоянию на 1 января 1961 года, на счете имелось 25003 рубля (в старых деньгах). Мама Любы, как только это увидела, — (2500 рублей, новых! «Победу» — можно купить!) — сразу поняла — этого Ваню выпускать из рук нельзя, иначе другие перехватят!.

Она начала наступать на дочь, склоняя её к скорейшему выходу замуж. Приводила разные аргументы, а Люба была и не против, вовсе. Она знала, что её многочисленные «поклонники», в первую очередь солдаты — всегда будут «под рукой», тем более, они меняются каждые три года, так что для неё — выйти замуж- это как бы одно постоянное, при (одновременно) многих, непостоянных....

В итоге они убедили Ваню, что так будет лучше для всех — если они с Любой, скорее поженятся. Ваня, несмотря на свой невзрачный внешний вид, был не так прост. Два года он работал на военных стройках электро газосварщиком, неплохо зарабатывал; домой, жене и дочке, не посылал ни копейки, все клал на сберкнижку. Имел дополнительные «левые» заработки по соседним селам. Одно время, негласно, конечно, даже варил кресты для сельских кладбищ. Но, когда его подельники из местных гражданских, начали вырывать поставленные кресты, перекрашивать и перепродавать, а на суде замешали в этот процесс и Ваню, пришлось его срочно прятать в другую роту и переводить в штатные дневальные. Но деньги у него остались и по солдатским меркам, — неплохие. На них и положила глаз мама Любы, его будущая теща. Кроме того, по просьбе мамы, он помог ей достать, через солдатскую столовую, по дешевке, мешок сахара для изготовления водки, потом привез пару мешков цемента для ремонта крыльца. Короче говоря, этот «жених» был ценным приобретением.

Ваня согласился жениться еще и потому, что знал свою одну из главных слабостей, которая его не раз подводила по жизни: после третьей рюмки водки, он, как правило, выбывал из строя, проще — сходу засыпал. Потом, часа через два, — мог продолжать пить снова. Этот предел — три рюмки, он никак не мог преодолеть. И знал об этом, а все равно пил, ту третью рюмку и покидал «поле боя». Этим многие пользовались и могли делать с ним, все, что угодно. Не зря же у него так много официальных жен набралось. Поэтому он и решил еще раз жениться, в

Ахтырке, до осени, мол, хватит, а там — демобилизация, и- домой. Это он так думал, когда решил жениться на Любе. Совсем по-другому думала Любина мама. Ей не давали уже спать Ванины деньги. Поэтому, не прошло и месяца, после их знакомства, а заявления в ЗАГС — уже были поданы.

Неделю рота жила предвкушением официальной свадьбы. Одни — в ожидании торжества и официального увольнения до утра, другие — с определенным сожалением, а где-то и с завистью. Ведь приглашенным, в полном составе, был только третий (Ванин) взвод, вместе с его командиром, старшиной Ковалем. Остальные два взвода — только принимали участие в обсуждениях этого события, хотя и ждали, — как все это пройдет.

Такого давно не видели. 11марта, в 15–00, третий взвод четвертой роты под командованием старшины Коваля, строем вышел из территории части и пошел в «Увольнение по списку», как сказал старшина Сидорчук. Он выступил с напутствием взводу и предупредил, чтобы все было чинно, в меру и т. д., потому что там будут и гражданские люди. Не осрамитесь. Ваня Дохлик, был отпущен еще до обеда, его ждал обряд регистрации в ЗАГСе. С ним пошел еще один солдат третьего взвода, в качестве «свидетеля» при регистрации.

В воздухе уже пахло весной. Потеплело. Сыпал мелкий обложной дождик. Было сыро, но как-то приятно, мягко, приемлемо, что ли. Сидорчук с Василием, сидели на небольшой открытой веранде при входе в казарму и слушали шелест дождя. Если третий взвод пошел на свадьбу, то остальные солдаты, практически все, были отпущены в город, до отбоя. Работали они тяжело, разгружали вагоны, особенно неприятной, была разгрузка щебня, затем готовили бетон и растворы различных марок, затем самосвалами развозили по строящимся объектам. Понятно, что все объекты имели оборонное значение, работы велись круглосуточно, и постоянное «давай-давай» висело над всем этим комплексом, своеобразным «дамокловым» мечом.

Железнодорожная ветка, от вокзала, вначале шла на юг, а потом, как бы очерчивая границу города, плавно поворачивала, параллельно городу, влево и заканчивалась на большой Ахтырской Теплоэлектроцентрали (ТЭЦ). Эти полкилометра, от поворота до ТЭЦ, почти полностью занимал склад стройматериалов, где работала четвертая рота. Высокая насыпь железной дороги, служила одновременной защитой этой части территории, от возможного разлива воды реки Ворскла, которая была в пределах полутора километров от города. Сразу за насыпью и до Ворсклы, простирался сплошной хвойный лес. Там можно было встретить и лося, и волка, и зайца, лису и, даже дикого кабана.

Старшина молча курил, а потом спросил у Василия: «Чого ты такой сумний, щось дома нэ так?». «Да просто переживаю за жену с дочкой, — ответил тот — Взяли Катю в детсад или нет. Нашла ли Нина работу. Жить-то надо. Посылаю им иногда что-то, да что там те копейки!». «А як там сичас на свальби гуляють! Пьють, идять разни там дэликатэсы! Ты як, був бы нэ проти гулять там сичас?»-съязвил Сидорчук — «а я б так взяв бэ пару стаканчикив, та холодцю тарилочку! Эх бы, пропустыв всэ, с дорогою душою!».

«Да чужие бы мы там с тобой были бы, Григорий Павлович! Как говорится — в чужом пиру! — и кусок в горло не идет!»-заметил Василий. «Знаешь, а в мэнэ — пишло б, — засмеялся Сидорчук. — Ось ты мэни скажы, Васыль, ты ныкуда нэ ходьш, читаешь, або граеш. Тоби шо, нэ хочеця когось там обнять, помять, выпыть, та добавыть?». «Конечно, хочется — ответил серьезно Василий, — только своего, того, кому я нужен, а не кого попало!». «Та нэ прыдуройся ты; молодой, здоровый, нэ дурный на облыччя, — так жывы, пока е така можливость!» — загрохотал Сидорчук. «А я и живу!» — завершил тему Василий. «Ну ладно, як знаеш, а я пиду и скоро прыйду! — сказал старшина и ушел за казарму.

Где-то, через полчаса, он вернулся. «А ну сбигай на кухню, може там щось знайдэшь закусьть! — попросил он Василия. «Да у нас в комнате ужин Коваля лежит! — сказал Василий.

«Так давай його сюды! — поторопил старшина-вин на свадьби повэчэряе! Я тут одну жинку надыбав, самогон робэ. Хлопци адрэс далы, рядом, на другои вульци. Добра водка, но просэ, зараза, пивтора рубля за бутылку! Так я там стакан взяв на сэбэ и нам прынис!»-весело сказал Сидорчук и достал из кармана бутылку самогонки. «Давай, Василь, нэ за ту свальбу, а просто за нас с тобою выпьем!» — добавил он.

Они выпили малыми порциями бутылку, еще побеседовали и пошли к себе в комнату. Так как Василий по выходным всегда дежурил, а Старков ходил в увольнения, то и сегодня, он, как всегда обошел территорию роты, а это почти что была территория всей их части, заглянул во вторую казарму. Там, с торцевого входа, располагался прикомандированный к части, взвод электромонтажников, где-то из Наро-Фоминска. Василий подергал дверь — она была закрыта, а в самой казарме было темно. Обойдя всю территорию, снова посидел на веранде у входа, вспоминал, как переезжали из Казахстана в Молдавию, потом пошел, предупредил дневального, что будет в комнате сержантов, если что.

К одиннадцати ночи, все, кто ходил в увольнение — вернулись, еще с полчаса — мылись, шумели, обсуждали у кого, что и как было — и, к полуночи — все стихло. Старшина сильно храпел, поэтому Василий вышел в казарму и прилег на одной из свободных коек, у входа в казарму. Задремал.

Но, через время, наружная дверь с шумом распахнулась, кто-то неуверенно входил с улицы. Василий встал, вышел в коридор, там горела небольшая лампочка. Он увидел промокшего, продрогшего и как-то даже почерневшего на лицо, старшину Ковалья.

«Вася, друг — прохрипел тот; — ой, слава Богу, что я уже дома!». Василий подхватил его под руку и быстро провел в комнату. Коваль шлепнулся на кровать Старкова, откинулся к стене и, с закрытыми глазами все повторял: «Ой, слава Богу, слава Богу, что я дома!». Проснулся Сидорчук, понял, что его другу нехорошо, спросил: «Шо, нэ пишло?!». В отличие от Василия, старшина, прослуживший с ним вместе не один год, прекрасно знал возможности Ковалья, потому и так спросил.

«Еще как пошло, только не в ту сторону!»-зло проговорил еле живой Коваль. У него была болезнь, аналогично, как у Вани Дохлика, только масштабом побольше- он тоже после четвертой — пятой рюмки, мог мгновенно отключиться и заснуть, прямо за столом, Потом, через некоторое время — проснуться и гулять дальше. Но, это же дома или среди друзей, но на свадьбе, среди солдат своего взвода и посторонних гостей! — это уже было слишком! Коваль знал свою слабость и старался не выходить из рамок, но....

«Эта..., Ванина теща, чтоб ей пусто было, — простонал Коваль — специально посадила меня рядом с собой, возле молодых. Мы с ней изображали как бы отца и мать. Так она как начала мне подливать! А ты знаешь, Гриша, что я не умею отказывать, тем более — даме. Та теща — еще совсем так ничего, ей лет 35–36, вертится, как пластинка на радиоле и заводной ручки не надо. Вот она меня и сделала...мешком. Ваня, правда, первым не выдержал, видно еще днем хорошо обмыл свое бракосочетание; его невеста или жена теперь, отвела куда-то в подсобку в той столовой, где мы гуляли, и уложила спать....

А я, Гриша и не помню, но меня, скорее всего, та теща, отвела к себе домой, это рядом со столовой, тоже уложила, а дальше свадьба шла уже без жениха — мужа, и без посаженного отца.

Да все было бы ничего, ты знаешь — мне час-полтора, — и я снова в строю. Да куда там!

Та, изголодавшаяся по мужику теща, во первых раздела меня наголо, а потом — начала, через каждые полчаса меня терзать — давай и давай....Побежит в столовую, там посмотрит, покрасует, потанцует... и ко мне — давай, через время — все снова повторяется.

Я кричу — что не могу уже столько подряд, а её это только больше возбуждает. И так — часа три-четыре подряд....При одном из её выходов, мне удалось одеться и — сбежать. Темно, дождь,

не знаю куда идти. Слава богу, что мы рядом с машиной ТЭЦ живем, на её свет я и вышел, а то бы до утра по дождю лазил. Такого, ребята, еще в моей жизни не было, дай Бог, чтоб никогда и не повторилось! Правду говорят, что все хорошо делать в меру, хоть пить, хоть есть, да и гулять — тоже! Нет, с меня хватит! А не дай Бог жена моя узнает, от той тещи всего можно ожидать, тогда мне вообще конец, ты ж мою Ганку знаешь, Гриша» — завершил свою исповедь Коваль.

«Ну ладно, живой и — слава Богу, узнав яка важка любов на скору руку!? Будэмо считать, що ты нычого нэ помныш, ты мэнэ поняв, парубок?! Цэ так, на всякий случай. Бо я думаю, та тэща вид тэбэ так просто нэ видстанэ. Помянэш мое слово! А мы, Мыкола, з Васылем, надиялысь, шо ты нам якогось гостынця прынэсеш, а ты сам явывся, як той гостынець. Давай лягай, и хай тоби ти, тэщины домогательства нэ снятсья, а то ще и с казармы сбижиш кудысь, у бильый свит!»- добродушно проворчал сонный Сидорчук.

Назавтра было воскресенье. Василий сводил роту на завтрак. Солдаты разошлись по казарме, занимаясь личными делами. Где-то к полудню, начали подходить ребята из третьего взвода, после похмельного завтрака в столовой, по месту свадьбы. Рассказывали отдельные эпизоды тем, кто не принимал в этом мероприятии участие. Самым невероятным и непонятным, было появление в роте Вани Дохлика. На вопрос Ковалья — почему он не остался в столовой, где продолжалось свадебное похмелье, трезвый Ваня ответил: «А мы уже развелись, правда, пока — неофициально». И больше не сказал ни слова.

Ребята, присутствующие на утреннем похмелье, рассказали, что когда утром все собрались, кто-то из гостей — гражданских, громко спросил: «Так кто еще не пробовал сегодня нашей невесты?», на что невеста-жена, развязно улыбаясь во весь рот, показала на жениха-мужа: «А вот он!». Все засмеялись. А главное — все знали, что она сказала чистую правду. Это понял и сидящий с ней рядом Ваня. Он потом просто поднялся и вышел, точнее — ушел, совсем. Короткий план тещи, потерпел сокрушительное поражение. И её любвеобильная дочь, даже сутки не пробыла замужем, и Ванины денежки так быстро и безвозвратно «уплыли». Теща это поняла несколько позже, а сначала она решила не просто бороться, а по-настоящему драться до конца, и за дочь, и за деньги. Хоть со всем миром....Тем более, что она потратила довольно значительные средства на саму свадьбу, так как все делалось за её счет...

Продолжение см. в интернет-магазине "Andronit", "ЛитРес" и др.